

Как редко теперь пишу по-русски. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Как редко теперь пишу по-русски. Владимир Владимирович Набоков

I

Вниманию читателей предлагается переписка Владимира Набокова и Марка Алданова 1940 – 1956 гг. Говорить о популярности этих двух писателей в сегодняшней России – это значит, кажется, повторять общие места. Отмечу только, что именно журнал "Октябрь" первым в 1986 году познакомил отечественную читающую публику с лирикой Набокова, что на его страницах в судьбоносном 1991 г. появился роман Алданова о ленинской эпохе "Самоубийство", а другой его роман, "Начало конца", вообще был впервые напечатан полностью по-русски в "Октябре" в 1993 г.: при жизни автора он увидел свет в английском переводе и был удостоен в США престижной литературной награды, но на русском языке печатался только в эмигрантских журналах в сокращенном виде.

Переписка Алданова и Набокова никогда не печаталась и за пределами нашей страны. Общепринятый взгляд, что в художественном творчестве писатель скрывается за созданными им персонажами, а в переписке выступает от первого лица, сбросив маски, справедлив не во всех случаях. Набоков в письмах тот же, что и в своей прозе. Очень близка, например, ироническая тональность изображения нравов эмигрантских литературных собраний в его "Даре" и в его письме Алданову от 18 апреля 1955 г. Алданов же в художественных произведениях язвительный остроумец, эрудит, а в переписке иной, гасит свои обычные резкие сатирические краски. Тому была веская причина: он, издатель журнала, стремился объединить людей разных воззрений, заставишь их забыть разногласия, делать общее дело – ирония здесь была бы не к месту.

Письма из фондов Алданова относятся к сороковым и пятидесятым годам, хотя переписка двух писателей, несомненно, началась раньше. У Алданова был обычай сохранять все письма, что он получал, а также машинописные копии своих ответов. Но летом 1940 г. гитлеровцы заняли Париж, его архив был уничтожен, а ему самому пришлось бежать на юг Франции, в Ниццу, где не было немецких войск. Вскоре последовало второе бегство – через океан, в Соединенные Штаты. Несколько раньше проделал свой путь в Америку Набоков. Первое письмо, что мы ниже публикуем, датировано 30-м июля 1940 г.: Набоков уже в США, Алданов хлопочет о визе. По-видимому, сразу по его получении Набоков делает короткую приписку в письме к Алданову историка, профессора Гарвардского университета М. М. Карповича (14 августа 1940 г.).

Эти два документа печатаются по рукописям, хранящимся в Российском фонде культуры в Москве. Все нижеследующие – по текстам, хранящимся в Бахметевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк, США).

О Бахметевском архиве следует сказать особо. Он назван по имени своего основателя Б. А. Бахметева, крупного ученого в области гидравлики, посла Временного правительства в США, позднее профессора Колумбийского университета, известного мецената. Когда в 1948 г. в руки большевиков попал Русский заграничный исторический архив в Праге, возникла надобность в создании нового эмигрантского архива. Бахметев выступил энтузиастом этого проекта и положил начало сбору средств. В оргкомитет вошли Алданов, И. А. Бунин, историки М. М. Карпович, Б. И. Николаевский и В. А. Маклаков, А. Л. Толстая.

Бахметев скончался 21 июля 1951 г. 19 октября того же года Алданов писал В. А. Маклакову: "Весь смысл идеи покойного Бориса Александровича заключался в том, что основанный нами семью архив в случае освобождения России будет переведен в Москву. Иначе его и основывать бы не стоило". Русский архив согласился принять на хранение Колумбийский университет, и Карпович сообщил Алданову 31 октября 1951 г., что хранители "...согласны и на условие насчет передачи этих материалов будущему правительству свободной России, если такое пожелание кем-либо будет высказано". Из писем Алданова Б. И. Николаевскому: "Как Вы, конечно, знаете, Мосли согласен на отдачу частных архивов в Москву или Петербург после освобождения России" (12 января 1952 г.). "Да, так и надо будет поступить: впоследствии передать Академии наук" (22 января). Насколько известно, договоренность о дальнейшей судьбе архивов была достигнута только в устной форме, не имеется и завещания кого-либо из жертвователей, связанного с возвращением рукописей в Россию после освобождения страны. В 1975 г. архив был

Как редко теперь пишу по-русски. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru наименован Бахметевским. В наши дни Бахметевский архив – крупнейшее в мире собрание русских документов за границей. Пока не предпринимается никаких шагов для передачи его сокровищ в Россию. Однако многие специалисты-историки из стран СНГ регулярно работают в его читальных залах.

Я сказал "сокровищ" – это не преувеличение: здесь собраны рукописи сотен выдающихся эмигрантов – деятелей культуры и искусства, политиков, ученых, военных. Некоторые наши соотечественники, отправляясь на чужбину в годы революции и гражданской войны, увозили с собой драгоценные семейные реликвии, такие, как рукописи Лермонтова и Александра Бестужева; проходили десятилетия – эти рукописи попадали в архив. В Бахметевском архиве имеются фонды семьи Герценов, семьи Набоковых, издателя "Вестника Европы" М. М. Ковалевского, генерала А. И. Деникина, философа С. Л. Франка, реформатора театра Н. Н. Евреинова – всех не перечислить!

По гранту американской корпорации IREX я получил возможность в 1994 1995 гг. длительное время поработать в Бахметевском архиве, главным образом над бумагами Алданова. Их там тридцать шесть коробок большого формата, в каждой около тысячи листов. Четырнадцать коробок отведено переписке. Многие письма напечатаны на машинке на двух сторонах листа через один интервал.

Никто из отечественных или зарубежных исследователей никогда систематически не изучал этот огромный материал. Но его значение далеко выходит за рамки дополнительного материала к биографии писателя, он по-своему характеризует целую эпоху русской культуры. Помимо Набокова, среди корреспондентов Алданова писатели Георгий Адамович, Борис Зайцев, Теодор Иванов, Михаил Осоргин, художники Илья Репин, Марк Шагал, Мстислав Добужинский, композитор Сергей Рахманинов, актеры Аким Тамиров и Михаил Чехов, западные знаменитости Сомерсет Моэм, Клаус Манн...

Как известно, расцвет эпистолярного жанра в России приходится на 1830-е годы: впервые в стране начали писать письма на русском языке (до этого переписывались на французском); сразу же возникла мода на частые частные письма, письма стали неотъемлемой частью художественной литературы, их включали в свои произведения и поздний Пушкин, и Марлинский. Одоевский и молодой Тургенев писали романы, повести, целиком состоящие из писем. Гоголь развязку "Ревизора" связал с перехватом в почтовом ведомстве письма Хлестакова. Золотой век русской эпистолярной литературы возник на исходе Золотого века литературы.

Теперь мы можем констатировать бесспорное положение: у русской эпистолярной литературы был еще и Серебряный век. Он тоже возник на исходе Серебряного века литературы, но ограничился только зарубежьем, в тоталитарном Советском Союзе его, по вполне понятным причинам, не было. Когда эмиграция разбросала по свету тысячи лучших людей страны, они вынуждены были отказать от, давней привычки постоянного личного общения и попытались его заменить регулярной перепиской. В архивах деятелей культуры русского зарубежья переписка занимает огромное место. Алданов, в частности, в последние годы своей жизни в среднем писал и получал по четыре письма в день! Длинные многостраничные письма менее всего были связаны с подробностями каждодневного быта, центральное место в них занимали судьбы эмиграции, России, русского искусства. В последние годы художественные произведения писателей-эмигрантов прочно вошли в круг чтения образованных россиян, но их переписка еще ждет публикации. Вполне естественно, до нее, как говорится, часто не доходили руки у зарубежных русских издателей. Хотя бы частично восполняя этот пробел, журнал "Октябрь" предполагает поместить в одном из ближайших номеров материалы переписки Алданова с Буниным, а затем страницы переписки других мастеров русской литературы и культуры в изгнании.

Один из них, Ю. Иваск, афористически сформулировал: "Эмиграция всегда несчастье, но далеко не всегда неудача". Разлука с родной языковой стихией заставляла острее чувствовать силу и красоту родного языка. Уединение способствовало творческой работе, неспешному, бережному отношению к тексту. Они ближе знакомились с европейской культурой, им становился присущ европеизм. На чужбине не приходилось рассчитывать ни на славу, ни на богатство. В нью-йоркском "Новом журнале" в бытность Алданова редактором, например, гонорар составлял всего-навсего один доллар за страницу художественной прозы и семьдесят пять центов за страницу публицистики. Что до славы, откуда ей было взяться, когда тираж исчислялся сотнями, а не тысячами экземпляров, причем книга по цене многим патриотам оказывалась недоступной. Писатель оставался без читателя, стимулом творчества становилось только "не могу не писать", осознание призвания, миссии.

Как редко теперь пишу по-русски. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru свое произведение, как запечатанную бутылку с посланием, автор что придет и для нее свой черед в России.

Из того же источника, убежденности в своей правоте – "правда на нашей стороне", – происходила и бережность писателей к старым письмам. Сдавая их в архив, Алданов ставил лишь такое ограничение: пока живы отправитель и получатель или хотя бы один из них, чтение и публикация для третьих лиц запрещены.

Но в 1943 г., готовя для публикации в журнале статью М. В. Вишняка, в которой широко использовались фрагменты из писем скончавшегося в 1939 г. В. Ф. Ходасевича, Алданов столкнулся с проблемой: в письмах содержались негативные, порой уничижительные оценки ряда здравствующих или совсем недавно умерших литераторов. Снять эти оценки означало бы, пользуясь его выражением, "фальсифицировать" письма, а оставить их значило бы бросить тень на достойных людей. Алданов предпочел первое. 27 ноября 1943 г. он писал Вишняку: "Я отнюдь не уверен, что Ходасевич хотел бы увидеть напечатанным все им сказанное. В конце концов, в "Возрождении" он почти все это мог напечатать (или значительную часть) и не напечатал. Мало ли что пишется в письмах". В письме к Е. Д. Кусковой от 3 сентября 1950 г. он возвращался в более общем плане к той же теме: "Кое-что, особенно личное, опускать можно и нужно; отказаться же от воспоминаний о важных делах, по-моему, нельзя".

За давностью лет надобность в купюрах резких и несправедливых оценок отпала, "река времен в своем стремлении уносит все дела людей" (Г. Р. Державин). Но надобность сократить при публикации писем личное, важное только для двух корреспондентов остается, по крайней мере для журнальной публикации. По этому пути было решено пойти и в публикации, предлагаемой ниже.

Приношу глубокую благодарность Бахметевскому архиву Колумбийского университета и Библиотеке-архиву Российского фонда культуры.

Имею удовольствие представить известного американского слависта, автора монографии "Романы Марка Алданова" профессора Николаса Ли: он ниже делает подробный анализ переписки.

Андрей ЧЕРНЫШЕВ,

профессор МГУ

II

Брайан Бойд дает характеристику взаимоотношений между Алдановым и Набоковым в своей книге "Владимир Набоков: Русские годы" ("Vladimir Nabokov: the Russian Years", Princeton University Press, Princeton, NJ, 1990, p. 392): "...истинная дружба людей двух совершенно различных характеров. Алданов, химик по образованию и автор исторических романов, был по природе своей дипломатом и дельцом от литературы. Он испытывал благоговейный трепет перед талантом Сирина, но в то же время страшился его, как страшатся всего колкого и непредсказуемого. Со своей стороны Сирин, отдавая должное интеллигентному скепсису Алданова и искусному построению его романов, понимал, что в этих романах нет магии, изначально присущей большому искусству. Однако он был всегда благодарен другу за искреннюю заботу и дельные советы, касающиеся публикаций произведений".

В письмах Алданова тоже нет магии, в то время как набоковские так и блистают игрой слов. Он спрашивает: "Правда ли, что умережковский?" (З.1.1942.) Он радостно сообщает: "Я впервые остишился по-английски" (20.X.41), он терпеть не может "беллетристуающих дам" (20.V.42). Отпуск он проводит "...на западе от Елостонского парка (ели стонут!)" (15.VIII.51). Он заявляет: "я решил осалтыковать свою подпись" (б/м, б/д), хотя и подписывался "Набоков-Сирин" вот уже годы.

В письмах Набокову Алданов старается преодолеть резкие различия в характерах, настаивая, что не надо судить других писателей со своей колокольни. Особенно рьяно защищает он этот принцип, когда Набоков критикует недостатки композиции прозы Бунина: "Не стоит нам спорить, но нельзя, думаю, попрекать писателя отсутствием того, что он отрицает и ненавидит, – Вы знаете, что он композицию называет "штукатурством" (13.V.42).

Как редко теперь пишу по-русски. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru Судя по переписке, нельзя с уверенностью ручаться, что Алданов так уж благоговел перед даром Набокова и опасался его колкости и непредсказуемости. Резкие и субъективные суждения в письмах Сирина могли устроить кого угодно, но Алданов обнаружил изрядную выдержку и дипломатичность, столкнувшись с нападками Набокова на начальный отрывок из романа Александры Толстой "Предрассветный туман", опубликованный в первом номере "Нового журнала". В деликатности Алданова по отношению к Набокову сквозило нечто большее, нежели испуг или условный рефлекс редактора, укрощающего слишком уж темпераментного автора, – вот когда проявилась истинная суть дипломата и дельца от литературы. Посылая книгу "Нового журнала" Набокову, Алданов пишет: "Напишите, пожалуйста, откровенно Ваше впечатление обо всем..." – и тут же добавляет: "Не судите слишком строго" (18.1.42). Получив ответ со строгим судом, он не отмечает с порога вербальные дерзости Набокова: "Я чрезвычайно огорчен и даже расстроен (...), я совершенно изумлен"; одно из язвительных замечаний Сирина "меня немного удивило (...)", другое "совершенно меня поразило (...)" (23.1.42). Набоков делал прямые выпады: "Откровенно Вам говорю, что знаю я заранее об этом соседстве, я бы своей вещи Вам не дал – и если "продолжение следует", то уж, пожалуйста, на меня больше не рассчитывайте". Алданов, однако, уклоняется от прямого ответа: "Позвольте мне считать, что Вы или пошутили, или сказали это сгоряча (...), и я не могу допустить, что Вы это говорите серьезно". Литературный дипломат бросается уверять Сирина: "Вы наше главное украшение. Вы отлично знаете, какой я Ваш поклонник (...)", но делец от литературы, сидящий в нем, знает, что "Новый журнал" выживет как с Сириним, так и без него: "Я думаю, что "Новый журнал" будет существовать, и твердо надеюсь, что Вы лучшим его украшением и останетесь". Алданов не проявляет уклончивости или неискренности, когда благодарит Набокова за его вклад в "Новый журнал"; он предполагает, что Сирин специально умолчал, что его "Ultima Thule" и рассказ Бунина "В Париже" являются украшением первого номера лишь с целью "меня подразнить". Он слишком хорошо знает своего друга, чтоб усомниться в искренности его гнева, – Набоков всегда очень яростно реагировал на любые антисемитские выпады (жена его, как и сам Алданов, была еврейского происхождения), – нет, гневная тирада даже доставила ему удовольствие сама по себе. Алданов защищает "Новый журнал" в целом, и Толстую в частности, и делает это вдохновенно и одновременно скрупулезно, подробно, взвешенно и убедительно. В своих нападках на Толстую Набоков наносит пару ударов ниже пояса и самому Алданову: "Дорогой мой, зачем Вы это поместили? В чем дело? Ореол Ясной Поляны? Ах, знаете, толстовская кровь? "Дожидавшийся Облонский?" Нет, просто не понимаю..." Алданов, некогда заявивший, что "божественная природа толстовского гения для меня больше, чем обычная литературная метафора" ("Загадка Толстого", Берлин, издательство И. П. Ладыжникова, 1923, стр. 61), не мог не возмутиться насмешкой над своим литературным божеством: "Мы с Вами так и не могли никогда договориться об основных ценностях: ведь Вы и отца Александры Львовны считаете непервоклассным писателем, – "во всяком случае, много хуже Флобера" (23.1.42). Прочитав книгу Набокова о Гоголе, он позволяет себе пошутить: "А "голливудских имен" у Толстого я, разумеется, никогда, до последнего дня, не прошу" (15.1X.44). Однако же когда его святыни не оскверняются, Алданов реагирует на раздражение Набокова с присущим ему хладнокровием, закаленным также опытом работы в "Новом журнале": он столь же необидчив как редактор, сколь необидчив как автор.

Дипломатия Алданова срабатывает. Несмотря на угрозы распрощаться с "Новым журналом", в следующем же номере Набоков публикует свои стихи. Он продолжает язвительные ремарки, но несколько смягчает остроту жала: "Не принимайте, дорогой друг, этих резкостей, к сердцу" (6.V.42), хотя порой взрывается снова. Прочитав поэтическую подборку в 7-м номере "Нового журнала", он дает волю накопившемуся раздражению: "Так-с. Отдышался" (8.V.44). Сделавшись теперь прежде всего американским писателем, не имея особой нужды в публикациях в "Новом журнале", Набоков признает его важность и заслуги: "Да, было бы очень жаль, если б журнал прекратился. Мне кажется, что если хоть одна строка в любом журнале хороша, то самым этим он не только оправдан, но и освящен. А в Вашем журнале много прекрасного" (20.V.42). Он и дальше продолжает сотрудничать с "Новым журналом".

Литературная дискуссия между друзьями продолжается, в этом заслуга дипломатии Алданова.

После инцидента с "Предрассветным туманом" в целой серии писем оба они, и Набоков и Алданов, излагают свои литературные взгляды более открыто, чем прежде Алданов язвительно осведомляется, готов ли был бы Набоков публиковаться в одном журнале с "полоумным, полупьяным и полуобразованным" ярым антисемитом Блоком (13.V.42). Набоков склонен извинить Блока, исходя из "ментелити" последнего,

Как редко теперь пишу по-русски. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru затем заявляет: "совершенно согласен с Вашей великолепной оценкой", - и добавляет к ней "полушаман" (20.V.42). На это Алданов отвечает, что Блоку не был присущ пророческий дар шамана (31.V.42). Они продолжают поддразнивать друг друга, пустившись в бесконечную дискуссию о достоинствах Флобера и его Эммы Бовари versus Толстой и Анна Каренина.

Алданов не только дипломат от литературы, но и миротворец в более широком смысле этого слова. Его постоянная близость к Сирину и Бунину, столь разительно не похожим на него и друг на друга, являет собой образец толерантности, которую он пытается привить Набокову. В одном из писем он настаивает: "Нет, нет, дорогой друг, не отрицайте, Лев Николаевич был не без дарования" (13.V.42). В другом, делясь новостями о Бунине, добавляет: "ведь я знаю, что в душе у Вас есть и любовь к нему" (13.VI.48). Дипломатия Алданова как редактора - одна из форм проявления его гражданской ответственности, которую он практикует и проповедует в своих произведениях. И вся его преданность идеалам примирения между враждующими писателями и враждующими народами выражается в следующих словах: "Что ж делать, меня сейчас не интересует ничто, кроме происходящих в мире событий, и я одинаково удивляюсь Бунину и Вам, что можете писать о другом, и так чудесно писать" (13.V.42).

Возвышая Набокова, Алданов постоянно, во многих письмах ниспровергает себя, не устает благодарить за похвалы в свой адрес. Он смакует одно из остроумных сравнений Набокова, заимствуя и развивая его. фраза Набокова: "Эмиграция в Париже похожа на приземистые и кривобокие остатки сливочной пасхи, которым в понедельник придается (без особого успеха) пирамидальная форма" (8. VI.45), обретает в его ответе типично алдановский афористичный оборот: "Ничего не, могу написать Вам о парижской эмиграции. Мои сведения и впечатления совпадают с Вашими, и мне очень, очень тяжело. Я эту сливочную пасху в ее воскресном виде очень любил" (16.VII.45). Несколько лет спустя он снова возвращается к старой остроте, еще более "алданизирует" и перефразирует ее, явно испытывая наслаждение: "Вы мне года два назад писали, что парижская эмиграция напоминает Вам сливочную пасху, которой в понедельник пытаются ножом придать прежний воскресный горделивый вид. Как Вы были правы! Я много раз вспоминал эти Ваши слова. Многое мог бы Вам об этом писать, да не хочется. Не раз цитировал эти Ваши слова в разговорах и письмах" (13. VIII.48).

Впрочем, восхищение Алданова не лишено доли критичности. По прочтении книги Набокова о Гоголе он делает ее автору восторженный, но довольно общий комплимент: "Это очень блестящая и остроумная книга, одна из Ваших самых блестящих", прежде чем начать со всей присущей ему дипломатичностью: "Солгал бы Вам, если бы сказал, что с ней согласен. У меня возражения к каждой странице" (15. IX.44). Той же тактики придерживается он и в отношении "Лолиты" - сначала довольно прямолинейный и неконкретный комплимент: "Тот же Ваш огромный удивительный талант", - затем следуют осторожные оговорки: "В давнем письме ко мне (30. IV.56) Вы, помнится, назвали эту книгу "нежной". С этим мне согласиться было бы трудно - если Вы это сказали серьезно" (25. IX.56).

В одном из писем Набоков позволяет себе покритиковать собственное произведение, в трех других рассыпается в похвалах самому себе. В последнем случае речь идет об "Истинной жизни Себастьяна Найта": Я горд этой книжкой, как тур де форсом - и чисто волевым явлением" (20. X.41). И: "нежная и яркая" (30. IV.56) ".Лолита", "развитая и окрыленная форма моего старого рассказа "Волшебник" (31.VI.55). За его комплиментами Алданову часто скрывается то, что Бойд называет "нетерпеливостью воображения" (Princeton University Press, Princeton, NJ, 1991, p. 180). Хваля Алданова, он употребляет стереотипные, ни к чему не обязывающие прилагательные: "блестящий", "великолепный", "необыкновенный". Его восхваления сопровождаются порой оговорками или мелкими замечаниями по ряду деталей, порой из вторых рук, порой даже двусмысленными. Самые громкие похвалы, которым он посвятил целое письмо, заслужила книга философских диалогов Алданова "Ульмская ночь". Панегирик настолько парадоксален, что наводит на мысль: а не бросился ли Набоков писать это письмо сразу после того, как только отыскал единственный живой образ, даже не дочитав книгу до конца: "Пишу Вам только два слова между двумя лекциями - только чтобы сказать Вам, что во время случайного досуга (в поезде между Итакой и New York'ом) я прочитал вашу "Ульмскую ночь". Я был взволнован этой вашей самой поэтической книгой - ее остроумие, изящество и глубина составляют какую-то чудную звездную смесь - именно "ульмскую ночь" (10. X.54).

Как редко теперь пишу по-русски. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru Отметив, что Набоков не устал благодарить друга за заботу и советы по публикации рукописей, Бойд резюмирует: благодарность и доброта взаимны. Да действительно, Набоков имел причину быть в высшей степени благодарным Алданову. Когда Алданова пригласили читать курс лекций по русской литературе в Стенфордский университет, он отказался и рекомендовал вместо себя Набокова. Тот принял предложение, получил визу – с этого и началась его карьера в Америке. Он выражает свою благодарность в письме о койотах, которых видел в Аризоне: "Без Вас никогда бы не увидел тех койотов" (Пало Альто, без даты, предположительно середина лета 1941). Со своей стороны и Алданову тоже предоставилось несколько поводов благодарить Набокова. Из Ниццы Алданов просил его помочь напечатать рассказ "Каид" в одном из американских еженедельников; позднее вызывался узнать, не может ли его издатель рекомендовать Алданову какого-нибудь литературного агента в Европе.

Дружба писателей выдержала проверку временем. Их отношения завязались еще в Берлине в двадцатых годах, когда самыми близкими Набокову писателями были Фондаминский, Ходасевич и Алданов ("The Russian Years", p. 392). Первые двое умерли до 1945 г., связь между двумя оставшимися в живых укрепилась. Набоков вспоминает о русской эмиграции в Париже: "Помните, как Вы меня бранили за пародии в "Даре"? Как это уже все далеко" (5.X.41). Цитирует Пушкина: "Дорогой друг, как хочется с Вами побеседовать о буйных днях" Парижа, о Шиллере – нет, только не о Шиллере" (6.VIII.43). Алданов хочет прочесть "Лолиту", отчасти потому, что основой для романа послужил старый рассказ Набокова "Волшебник", он пишет: "Буду вспоминать Ваше чтение у Фондаминского в 1939 году" (15.V.56, ср. "The Russian Years", p. 513 14).

Еще одним ностальгическим звеном, укрепляющим их связь с тех пор, как Набоков стал писать по-английски, стал русский язык. В октябре 1941 г., представляя на рассмотрение "Нового журнала" "Ultima Thule", Набоков пишет о своей двойной лингвистической жизни: "Странно заниматься опять "великим могучим" (без даты). Он скучает о русском, от английского у него несварение, и вскоре приходит жалоба: "... томит и терзает меня разлука с русским языком, и по ночам отрывка от англо-саксонской чечевицы" (20.X.41). Два года спустя пишет: "Лег написать Вам два слова – и вдруг удивился тому, как редко теперь пишу по-русски" (23.XI.43). Все его письма к Алданову написаны по-русски, даже когда он диктует их машинистке, которая печатает в английской транскрипции (30.IV.56, 7.IX.56). Алданов продолжает уговаривать Набокова писать свои произведения по-русски: "Это очень печально, что Вы не пишете по-русски. Очень отражается и на "Новом журнале"" (27.XI.43).

Во всех письмах происходит самый оживленный и свободный обмен разного рода новостями. Обоим искренне интересуют все личное – выход новых книг, премии, здоровье, жизнь, смерть, радости, печали, надежды и страхи, разделяемые семьей и друзьями.

Но время, язык и близость так и не смогли помочь преодолеть резких различий в характерах. Оба любят науку, но разные ее области и по различным причинам. Алданов депоэтизирует науку; Набоков эстетизирует ее. Исторический романист – это и историк науки, и Алданов описывает технологические достижения начала XX века в письме от 31 мая 1942 г. Во время первой мировой войны он работал в химической промышленности и предполагал, что мог бы снова заняться тем же во время второй мировой: "... статьи для хлеба мне надоели, от пьесы я отказался, в химии на военные заводы иностранцев не берут" (31.V.42). В письме от 6 августа 1943 г. Набоков поэтизирует жизнь в экспедиции за бабочками, которую Алданов, равнодушный к естественным наукам, считает досадным отвлечением друга от литературной работы. Алданов не скрывает своего безразличия к бабочкам: "О бабочках я прочел с интересом, но без сочувствия – врать не стану" (5.XI.41). Набоков эстетизирует все текущие события, которые Алданов изучает с таким научным рвением. В письме без даты, написанном после вторжения Гитлера в Россию 22 июня 1941 г., он говорит: "А ведь как это страшно и вместе с тем художественно...". Для него война – это "дьявольский сквозняк из палеарктики" (20.X.41).

Внимательное прочтение переписки Набокова с Алдановым позволяет выявить сродство, под которым угадывается нечто большее, нежели простое совпадение. Обоим присущи такие черты характера, как доброта и истинное джентльменство. Доброта, с большей очевидностью проявлявшаяся у Алданова, косит не менее искренний характер и у Сирина. Глумившийся над нравами Корнелльского

Как редко теперь пишу по-русски. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru университета, Набоков, по утверждению Бойда, "поражал коллег и студентов своей удивительной доброжелательностью и даже особой доверительностью при личном общении" ("The American Years", p. 290). Бунин называл Алданова "последним джентльменом в русской эмиграции" (цит. по заметке Андрея Седых "Скоропостижно скончался в Ницце писатель М. А. Алданов", "Новое Русское Слово", 26.п.1957, стр. 1). Бойд отмечает, что, несмотря на "вспыльчивость и надменность, присущие Набокову, отчасти наигранные, отчасти являющие собой нечто вроде пародии, дежурной шутки", его немецкий издатель признавал, что в частной жизни он добр, любезен, "истинный джентльмен" ("The American Years, p, 477). Доброта и джентльменство позволили этим столь не похожим друг на друга писателям скептику и пессимисту Алданову и раздражительному и надменному Набокову искренне почитать друг друга и уважать в другом сложную человеческую натуру, скрытую под определенной маской, причем уважение крепло по мере того, как крепла с годами их дружба.

Николас Ли,

Университет штата Колорадо, Боулдер, Колорадо, США

Перевела с английского Н. Рейн

В архиве Алданова в Российском фонде культуры (Москва) хранится его письмо В. В. Набокову, отправленное с оказией из Франции в Америку 30 июля 1940 г.

Дорогой Владимир Владимирович.

Помните, Вы мне при отъезде шутливо пожелали "оказаться в моем положении". Сбылось с точностью: оказался. Нахожусь теперь в Ницце, хлопочу о визе в Ваши края.

У меня нет адреса А. Л. Толстой 1, пишу поэтому Вам по адресу д-ра Альтшуллера. Я хотел бы узнать, что с Вами. Удалось ли Вам устроиться и как? Если не удалось, есть ли хоть надежды? Как Вы знаете, денег и у меня нет. Тоже рассчитываю на книги, лекции и т. д. Утопия ли это? Вышло ли у Вас дело с проф. Ланцом? 2 Как отнеслись к Вам издатели? У меня скоро будет готово "Начало конца". Буду его предлагать. Если можете дать полезный совет по этим вопросам, буду искренне Вам благодарен. Но помимо эгоистического интереса я просто очень хочу узнать, что с Вами. Пожалуйста, напишите мне по адресу: (...) 3

Как чувствует себя Вера Евсеевна? Что дофин? 4 Довольны ли Вы оба? Мы с Т. М. 5 часто Вас вспоминали, особенно в последние недели.

Если Вы видите Александра Федоровича 6, пожалуйста, скажите ему, что я ему писал четыре раза по четырем адресам в разных странах. Очень на него да, собственно, только на него – и надеюсь в смысле визы. Его "экипа"* в таком же настроении: "Будем издавать газету в Нью-Йорке".

Что если в самом деле увидимся? Очень хотели бы. Мы с Т. Марковной подали просьбу консулу. Но в обычном порядке, как он сказал, надо ждать "около года"!

Мы оба шлем Вам и Вашим самый сердечный привет, самые лучшие пожелания. Пожалуйста, передайте поклон Александре Львовне, которую я знаю только по ее писаниям.

1 А. Л. Толстая – дочь Л. Н. Толстого, глава Толстовского фонда, оказывавшего помощь русским, переселившимся в США.

2 Доктор Альтшуллер, профессор Ланц – американские знакомые Набокова.

3 Здесь во втором экземпляре машинописного текста, по которому мы печатаем письмо, пропуск. Однако адрес, по которому жил тогда Алданов, известен: Ницца, авеню Клемансо, 16.

4 Вера Евсеевна – жена Набокова; дофин – его сын Дмитрий.

5 Т. М. – Татьяна Марковна, жена Алданова.

Как редко теперь пишу по-русски. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
б Александр Федорович – Керенский.

* Экипа – от франц. *equipe* – команда.

Приписка Набокова к письму М. М. Карповича Алданову от 14 августа 1940 г.

Дорогой друг, много хочется вам* написать, но ограничиваюсь несколькими словами, чтобы не отягощать письма. Хочу вам только сказать, что скучаю по вас и люблю вас. Шлем с женой самый горячий привет вам обоим.

Ваш В. Набоков.

* В письмах Алданова "Вы" всегда с большой буквы, в письмах Набокова написание различно.

Первое датированное письмо в коллекции Бахметевского архива – это письмо В. В. Набокова от 29 января 1941 г. Оба писателя в Нью-Йорке, Алданов приходил к нему и не застал дома, Набоков выражает сожаление, расспрашивает Алданова о литературной работе, выразительно описывает свое посещение дантиста:

"Хотя, кроме введения шприца в тугую шелкающую десну, операция за операцией проходит безболезненно – и даже приятно смотреть на извлеченного монстра, иногда с висящим у корня нарывом в виде красной кондитерской вишни – но последующее ощущение, когда мерзлый дуб кокаина сменяется пальмой боли, отвратительно. Я все больше лежу да мычу".

Собирателям набоковских адресов сообщим его тогдашний адрес: 35, 87-я стрит, это рядом с Централ Парком и в нескольких минутах ходьбы от Бродвея.

Следующее письмо Набокова, написанное ровно через два месяца, 29 марта 1941 г., на бланке Уэльслейского колледжа. Набоков рассказывает о своем лекционном курсе: "...громил Горького, Гемингуэя и многих других – и в обмен "имел великолепное время". Говорил между прочим о вас, Бунине и себе (не громя)".

14 апреля Алданов отвечает ему: он ждет выяснения вопроса о газете; когда обнаружится, что план создания новой русскоязычной газеты в Нью-Йорке неосуществим, создастся толстый журнал. "Не забудьте, что Вы твердо обещали нам новый роман – продолжение "Дара". Я сегодня получил письмо от Бунина, он сообщает, что уже выслал мне "Темные аллеи"".

В мае – июне Набоков шлет Алданову три открытки, сообщает о своей поездке в Нью-Мексико: "Мало вижу, ибо исключительно занят ловлей бабочек", – пишет он 5 июня. 27 июня Алданов запрашивает: правда ли, чу Набоков получил постоянную работу в женском колледже? "Если да, сердечно поздравляю: ведь это навсегда обеспеченная жизнь!" О себе сообщает, что был на приеме в Колумбийском университете в честь иностранных писателей, что отказался от частных уроков, пытается обходиться только гонорарами, в частности, через литературного агента хочет издать свой последний роман "Начало конца" на английском языке.

На одном из писем Набокова из Пало Альто, Калифорния, нет даты, но, поскольку в нем упоминается купленный издательством "New Directions" "Себастьян Найт", еще не вышедший в свет, оно должно быть датировано летом 1941 г. В письме первый отклик Набокова на начавшуюся Великую Отечественную войну. Начинает его, впрочем, Набоков с лирической ноты: "После изумительной энтомологической поездки мы осели среди здешних биллиардных газонов и желтых холмов. У нас хороший домик и все очень удобно". Далее сообщает, что среди его знакомых много поклонников Алданова:

"...лекции читаю с удовольствием, а иногда для разнообразия читаю студентам собственную беллетристику (...) Работаю и читаю на солнце, в купальных штанах – а тут климат действительно замечательный: вроде пушкинской прозы – безоблачно, но не жарко. В свободные дни ухожу в горы и на днях встретил свою первую гремучую змею (а в Аризоне, в пустыне, я однажды был окружен необыкновенно симпатичными койотами – гиенками и матерью). На Миссисипи вспоминал Шатобриана. Напишите ко мне, Марк Александрович. Без вас никогда бы мне не увидеть этих

Как редко теперь пишу по-русски. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru койотов".

В конце письма необычное для Набокова признание:

"Кажется, в первый раз в жизни я мучусь жаждой газет... В Гуверовскую библиотеку газеты приходят регулярно из России, но их можно получать только через... месяц после прихода.

Тут есть один немецкий профессор, который думает, что история литературы делится на "школы" и "течения". Студентов у меня немного, но все очень пристальные.

А ведь как это страшно и вместе с тем художественно двадцатипятилетняя мечта о "свержении" – и вдруг этот чудовищный фарс прущая погань в роли "освободителей" и бедные, не мыслящие камыши в роли "защитников культуры".

Переписка двух писателей вновь стала интенсивной осенью 1941 г. 5 октября Набоков сообщает: "Вчера разбирал сундучок с бумагами и нашел все ваши письма ко мне за несколько лет. Помните, как вы меня бранили за пародии в "Даре"? как это уже все далеко!" 20 октября он шлет подробное письмо. У него всего шесть лекций в год. "Описываю новые виды бабочек (открыл замечательную штуку в Grand Canon!). Скоро выходит мой английский роман "Sebastian knight" (написанный, как я вам говорил, в 1936, на bidet*, когда мы жили в одной комнате около Etoile, rue de Saigon). (...) Я горд этой книжкой как тур де форсом** "и чисто волевым явлением". Набоков "впервые остишился по-английски", перевел и комментировал несколько стихотворений Ходасевича. "Пишу одновременно работу по мимикрии (с яростным опровержением "natural selection" и "struggle for life"***) и новый роман по-английски (...) Со всем этим томит и терзает меня разлука с русским языком и по ночам – отрывка от англо-саксонской чечевицы. Впрочем, я бы и на это не жаловался и совершенно был бы доволен сим бабьим летом моей жизни, если бы не дьявольский сквозняк из палеарктики. Для этого нет слов, а если есть, то вы их знаете столь же хорошо". "Палеарктика" здесь означает "Россия". Набокова возмущают пошляки "в Англии, которые двадцать лет мешали вооружению и т. д., а теперь баритоном требуют десантика. Парадокс в том, пишет он, – что действительно все лучше, чем спокойно наблюдать за продвижением германского гада и ждать, что его поглотит верещагинское зарево". И от очень серьезной, хотя и в зашифрованном виде поданной темы войны Набоков переходит к концовке, чуть шокировавшей его корреспондента: "Я как-то провел несколько часов в Нью Уорке (так у Набокова. – А. Ч.), но они всецело ушли на препарирование генитальный органов моей новой бабочки, и не успел позвонить вам из музея".

Еще не получив этого письма, Алданов 22 октября обращается к Набокову с просьбой: для русскоязычного журнала, издание которого в Америке можно считать делом решенным, очень нужна проза Набокова! Он сообщает, что пока собраны деньги на выход всего лишь одной книги журнала, о редакционных жалованьях нет и речи, но гонорары будут выплачиваться, хотя и очень, небольшие: один доллар за страницу прозы, семьдесят пять центов за страницу публицистики.

Ответ Набокова – сопроводительное письмо к фрагменту из романа "Solux Rex", без даты:

Дорогой Марк Александрович,

посылаю вам "статью", как говорил некто Арбатов, который все называл "статьей", будь то рассказ или кусок романа, или даже стихи. Простите, что задержал, – я добыл машинку только в субботу.

Я не пометил на манускрипте, но хорошо бы сделать сноску, как бывало:

Отрывок из романа "Solux Rex", начало которого см. в (последнем, каком именно?) № "Современных записок" 1.

Буква "ъ" не вытанцовывалась у жены на этой незнакомой машинке, а потому есть риск, что французские слова "Raon" и "Von", встречающиеся в манускр., наберут русскими буквами. Не знаю, как отметить их латинство.

Я решил осалтыковать мою подпись. Хочу непременно держать корректуру. Кажется, эта вещь самая отталкивающая из всего, что я до сих пор печатал, правда?

Как редко теперь пишу по-русски. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
1 "Современные записки", № 70. Отрывок из романа "Solux Rex" под названием
"Ultima Thule" был напечатан в "Новом журнале", № I.

* Биде (франц.).

** Tour de force – сложное дело (франц.).

*** "Естественный отбор", "борьба за существование" (англ.).

В письме Алданова от 5 ноября сообщается, что он рукопись получил и в тот же день сдал в набор. Имея в виду письмо Набокова от 20 октября, Алданов откликается: "О бабочках прочел с интересом, но без сочувствия, врать не стану. А обе Ваши новые книги очень, очень хочу прочесть – больше, чем что бы то ни было другое в современной литературе". Тут же сообщает собственные новости: издатель. Кнопф отказался печатать его "Начало конца", "думаю, из-за антибольшевистского направления романа". Он передал роман издательству Даттона. Хотел бы написать книгу о Герцене, но "издателей этим не соблазнишь". Написал три рассказа, "Микрофон" в два для "Нового журнала" 1 – это часть серии между собой не связанными современными "политическими рассказами": "не могу писать ни о чем другом теперь".

Еще через 19 дней, 24 ноября, Алданов сообщает, что издавать "Начало конца" на английском языке взялся другой крупный издатель, Скрибнер. "Огорчился после отказа Кнопфа, а вышло к лучшему: и условия более выгодные, и чувство, что попал вроде как бы на Английскую набережную издательского мира после его Гороховой" (издательство Скрибнера считалось более интеллигентным, Кнопфа называли лавочником).

Возможно, тем же письмом Набокову была отправлена корректура. Еще одно его без даты письмо сопровождает возврат корректуры. Авторская правка невелика, Набоков комментирует: "Странно заниматься опять "великим могучим". Кое-что можно было подчистить в смысле знаков препинания, но линотип, по-видимому, шарашливый, и боюсь рисковать жизнью соседних слов".

1 Речь идет о рассказах "Фельдмаршал" и "Грета и Танк".

Запоздалое новогоднее поздравление вместе с распиской за полученный гонорар ("Ultima Thule", 28 долларов) Набоков отправляет 3 января 1942 г. Из этого письма: "Правда ли, что умеревковский? Есть ли сведения об Ильеше? 1 О Иосифе Владимировиче? 2"

Письмо Алданова от 18 января касается двух тем: он отправляет первую книгу "Нового журнала" ("Не судите слишком строго. Кое-что мы должны были дать, считаясь с уровнем русско-американских читателей, – как "Последние новости") и благодарит за присылку "Себастьяна Найта": "Роман Ваш замечательная вещь". Рецензия будет помещена во второй книге "Нового журнала". В конце характерная приписка, свидетельствующая об утомленности Алданова редакторской работой: "Извините, что пишу кратко: сегодня должен написать семь писем".

1 И. И. Фондаминский (Бунаков) – один из редакторов журнала "Современные записки", был арестован в Париже в июле 1941 г. Позднее французское правительство сообщило его семье, что он 19 ноября 1942 г. умер в немецком концлагере.

2 И. В. Гессен – редактор газеты "Руль", в ней Набоков печатался в 20-х – начале 30-х гг.

Под свежим впечатлением от только что прочитанной книги журнала Набоков 21 января 1942 г. отправляет такое письмо:

"Дорогой Марк Александрович, что это – шутка? "Соврем. записки", знаете, тоже кой-когда печатали пошлятину – были и "Великие каменщики" и "Отчизна" какой-то

Как редко теперь пишу по-русски. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru дамы и "Дом в Пассях" бедного Бориса Константиновича 1, - всякое бывало, - но то были шедевры по сравнению с "Предрассветным туманом" госпожи Толстой. Что Вы сделали? Как могла появиться в журнале, редактирующемся Алдановым, в журнале, который чудом выходит, чудесное патетическое появление которого уже само по себе должно было вмещать обещание победы над нищетой, рассеянием, безнадежностью, - эта безграмотная, бездарнейшая, мещанская дрянь? И это не просто похабщина, а еще похабщина погромная. Почему, собственно, этой госпоже понадобилось втиснуть именно в еврейскую семью (вот с такими носами - то есть прямо с кудрявых страниц "Юденкеннера" 2) этих ах каких невинных, ах каких трепетных, ах каких русских женщин, в таких скромных платьицах, с великопоместным прошлым, которое-де и не снилось кривоногим толстопузым нью-йоркским жидам, да и толстым крашеным их жидовкам с "узловатыми пальцами, униженными бриллиантами", да наглым молодым яврэям, норовящим кокнуть русских княжен, - enfin* не мне же вам толковать эти прелестные "интонации", которые валят, как пух из кишеневских окон, из каждой строки этой лубочной мерзости. Дорогой мой, зачем вы это поместили? В чем дело? Ореол Ясной Поляны? Ах, знаете, толстовская кровь? "Дожидавшийся" Облонский? Нет, просто не понимаю... А стиль, "приемы", нанизанные глагольчики... Боже мой! Откровенно Вам говорю, что, знай я заранее об этом соседстве, я бы своей вещи вам не дал - и если "продолжение следует", то уж, пожалуйста, на меня больше не рассчитывайте.

Я так зол, что не хочется говорить о качествах журнала - о великолепном стихотворении Марии Толстой, о вашем блестящем "Троцком", о прекрасной статье Полякова-Литовцева.

Дружески, но огорченно

ваш Владимир Набоков"

1 Набоков намеренно путает названия: "Вольный каменщик", повесть М. А. Осоргина, "Дом в Пасси" - роман Б. К. Зайцева. Произведения "какой-то дамы" под названием "Отчизна" в "Современных записках" разыскать не удалось.

2 "Знарок евреев" - антисемитский журнальчик, выходивший в Германии при Гитлере.

* в конце концов (франц.).

Алданов решительно не согласен. Он пишет 23 января:

"Я чрезвычайно огорчен и даже расстроен Вашим письмом.

Все же "В Париже" Бунина и "Ультима туле" лучшее, что есть в книге, а Вы об этом не сказали ни слова (быть может, чтобы меня подразнить). Есть, по-моему, и хорошие статьи, кроме названных Вами двух (спасибо за мою).

Перехожу к Толстой. Я совершенно изумлен. Читали эту вещь ее и такие еврей-националисты, как Поляков-Литовцев и множество других евреев, в том числе, естественно, и редакторы. Никто решительно не возмущался. Не говорю уже о неевреях: Зензинов написал на днях Александре Львовне истинно-восторженное письмо по поводу ее глав. Вы можете сомневаться в критическом чутье Влад. Мих., но никак не в его благонадежности в смысле отношения к евреям. Помнится, я давно говорил Вам, что считаю его с Милюковым редкими людьми, абсолютно чуждыми - не говорю даже об "антисемитизме", а просто какой бы то ни было, хотя бы легкой, очень легкой "настороженности" в отношении евреев. Вероятно, и Вы, зная его, думаете так же. Помилуйте, в чем Вы усмотрели "жидовок", "яврэев", "погромную (!) похабщину" и даже пух из кишиневских окон"?! Семья Леви ничего худого не делает, она, "быть может, не симпатична" (пишу слогом осторожных критиков), но это имело бы соответствующую тенденцию только в том случае, если бы автор других, неевреев, изобразил ангелами. По случайности в первых главах Анна и Вера "симпатичнее", чем Зельфия и ее мать. Но в дальнейшем появляются "русские князья" и "русские женщины", которые в сто раз "антипатичнее" семьи Леви, и редакция могла бы с таким же правом отвести роман как антирусский или, скажем, антидворянский или антиэмигрантский. Меня немного удивило, почему Толстая дала хозяевам Анны фамилию Леви: ничего характерного для евреев в них нет (молодые люди пристают к барышням и у неевреев), и едва ли она сколько-нибудь знакома с евреями, да еще американскими. Однако, повторяю, в общем, еврей в той части не

Как редко теперь пишу по-русски. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru оконченного еще романа, которая редакторам известна, представлены отнюдь не в более невыгодном свете, чем другие действующие лица. Александра Львовна, по-видимому, унаследовала от отца общую нелюбовь к людям. Но уж этим Вы (как и я) особенно попрекать ее не можете. Вы пишете по ее поводу о "Юденкеннере"!! Классическая русская литература от "презренных евреев", "будь жид, и это не беда" 1 (так?) до невинного "и я дождался" Стивы не в счет - время было иное. Но ведь при Вашем подходе Вы должны отвести и множество весьма "прогрессивных" современных писателей тоже со ссылкой на "Юденкеннер": Золя, например, за Гудермана, Анатоля Франса и Пруста за их довольно многочисленных и весьма антипатичных евреев, коммуниста Ром. Роллана за евреев "Жан Кристофа", Сомерсета Моэма за "Alien corn"* и т. д. - без конца: многие там в этом отношении неизмеримо хуже, чем "Леви" Толстой. Мне было бы весьма неприятно - и невозможно - выступать в глупой и смешной роли еврея, защищающего антисемитскую литературу от нападок нееврея. Но ни я, ни Цетлин 2 (не говоря уже о Керенском и других членах редакционной группы "Н.Ж.") не можем причислить "Предрасветный туман" к антисемитской литературе, а тем менее к "погромной" (не хочу - да и нет места в строке ставить опять вопросительные и восклицательные знаки). Надо ли говорить, что мы такой и не поместили бы. Совершенно меня поразило Ваше заявление, что Вы из-за "продолжение следует" уйдете из журнала. Позвольте мне считать, что Вы или пошутили, или сказали это сгоряча. Вы ни малейшей ответственности за роман Толстой не несете, и все-таки не можете же Вы считать, что и журнал наш "черносотенный", - тут уж действительно была бы необходима целая строка восклицательных знаков. Вы - наше главное украшение, Вы отлично знаете, какой я Ваш поклонник, и я не могу допустить, что Вы говорите это серьезно. Я думаю, что "Новый журнал" будет существовать, и твердо надеюсь, что Вы его лучшим украшением и останетесь. Александр Блок был настоящий (несколько не скрывавший этого) антисемит, но Вы, как и мы все, не отказались бы участвовать в одном журнале с ним. "Так то Александр Блок"? За художественное качество печатающегося рядом с Вами Вы уж никак не отвечаете. Вы считаете, что роман Александры Львовны ниже критики. Я этого не думаю - и принимаю во внимание, что это первое ее художественное произведение с обычными недостатками первых произведений. Но тут спорить бесполезно, тем более что мы с Вами так и не могли никогда договориться об общих основных ценностях: ведь Вы и отца Александры Львовны считаете непервоклассным писателем, - во всяком случае, много хуже Флобера". В Нью-Йорке в "литературных кругах" мнения о ценности "Предрасветного тумана" расходятся".

1 Из стихотворения Пушкина "Черная шаль" и из его же эпиграммы на Булгарина "Не то беда, что ты поляк...".

2 М. О. Цетлин и М. А. Алданов стояли во главе редколлегии "Нового журнала" в первые годы его существования.

* "Чужое зерно" (англ.).

В небольшом письме от 5 февраля Алданов возвращается к той же теме: "Я очень надеюсь, что мои доводы хоть немного Вас поколебали, и просто не верю, чтобы Вы действительно хотели прекратить сотрудничество в "Новом журнале".

Только через три месяца Набоков снова пишет Алданову и старается преодолеть возникшую размолвку. Поводом для его письма стало выражение сочувствия Алданову в связи с несчастным случаем, происшедшим с его женой. В письме от 6 мая главное место отведено литературной теме: Набоков прочел вторую книгу "Нового журнала".

""Времена" превосходны - по-моему, это лучшее, что написал Осоргин. Это и статью о смертной казни давным-давно в "Посл. Нов.". Ваша статья о Мережковском (кроме ссылки на Герцена - Гюго и на "что-нибудь да значит" раз столько лет читают и во стольких-то лавках продают - что, по-моему, то же самое, что "миллион людей - курящих нашу папиросу - cannot be wrong"*, между тем как следует, по-моему, всегда исходить из того, что большинство не право и что тысячами улик приговоренный подсудимый - не виновен) мне очень понравилась. Я люблю сливочное мороженое. Мне его безмудрый слог всегда был противен, а духовно это был евнух, охраняющий пустой гарем. Очень редко случалось, что его серое слово принимало легкий фиолетовый оттенок - как в вами приведенном отрывке (а также где-то - не помню где, описание палестинской пустынной флоры). А "Леорнардо" (так у Набокова. А.Ч.) такой же вздор, как "Князь Серебряный".

Как редко теперь пишу по-русски. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru Неужели вы не согласны со мной, что "Натали" (и остальные прелестницы "аллеи") в композиционном отношении совершенно беспомощная вещь? Несколько прелестных (но давно знакомых и самоперепетых) описательных параграфов- et puis c'est tout**. Характерно, что они все умирают, ибо все равно, как кончить, а кончить надо. Гениальный поэт - а как прозаик почти столь же плохой, как Тургенев.

Сколько у вас пишущих дам! Будьте осторожны - это признак провинциальной литературы (голландской, чешской и т. д.). Из них для приза пошлости и мещанской вульгарности я по-прежнему выбираю Александру Толстую (...) Не принимайте, дорогой друг, этих резкостей к сердцу. Очень может быть, что прав Зензинов (читавший, по слухам, которым не хочу верить, целую лекцию о Толстой и Федоровой в их романах), а не я.

(...) А все-таки "Madame Bovary" метров на 2000 выше "Анны К.". Wilson 1 со мной согласен, одолев последнюю".

1 Американский литературовед Эдмунд Уилсон.

* не может ошибаться (англ.).

** и всё (франц.).

В письме от 13 мая 1942 г. Алданов сообщает об откликах на "Новый журнал": его хвалят, а каждую вещь в отдельности бранят. Второй номер напечатан тиражом 1000 экземпляров.

"Кстати, к кому же из беллетристов Вы обратились бы, если б Вы были редактором? Неужели к Бунину не обратились бы? Не стоит нам спорить, но нельзя, думаю, попрекать писателя отсутствием того, что он отрицает и ненавидит, - Вы знаете, что он композицию называет "штукатурством". В этом споре я гораздо ближе к Вам, чем к нему; но, по-моему, Вы преувеличиваете значение композиции и особенно новизны композиции. За исключением "Войны и мира" почти все, кажется, классические произведения русской литературы в композиционном отношении не очень хороши - и не новы. В меньшей степени то же относится к классической английской литературе - композиция Диккенса детская (и устаревшая даже для его времени), французы - мастера (новые немцы тоже, к сожалению), и "Мадам Бовари", разумеется, в композиционном смысле "на 2000 метров выше "Анны Карениной" (хотя французские критики нашли в ней кроме 12 стилистических ошибок (!!) композиционные заимствования). Но если отводить композиции и новизне композиции не первое, а второе место? Будете ли Вы серьезно утверждать, что Эмма Бовари имеет ту же степень "жизненной правды" (извините глупое слово, но Вы знаете, что я хочу сказать: "Птицы садились клевать что-то на полотно Аппеллеса"), какую имеет Анна Каренина? И можно ли читать флюберовское самоубийство после самоубийства Анны. Нет, нет, дорогой друг, не отрицайте: Лев Николаевич был не без дарования. Возвращаясь к Бунину, скажу, что "странно видная в воде голубовато-меловым телом" Соня в купальне и сама купальня и гроза в главе V "Натали" и многое другое в этом рассказе - изумительны.

Что Вы делаете? Что пишете? Я пишу пятый - и последний - политический рассказ - только это, да еще статьи (два слова неразборчивы. - А.Ч.) и написал за два года. Не пошлю его Вам, чтобы Вы не издевались. Как ни странно, сюжет взят из морской жизни 1: материал - случайные встречи в Париже со старым советским адмиралом и несколько тысяч страниц "Морского сборника" - для ритуала, чинов и т. д. Старик-адмирал рассказывал сдержанно модно слово неразборчиво. - А.Ч.), но рассказывал из уважения к третьему участнику наших бесед, его родственнику. Боюсь, что вторгнусь в область и жанр капитана Лукина 2 и покойного Станюковича: "Все наверх!" Что ж делать, меня сейчас не интересует ничто, кроме происходящих в мире событий, и я одинаково удивляюсь Бунину и Вам, что можете писать о другом, и так чудесно писать".

В конце письма Алданов касается эпизода своей редакторской деятельности в "Новом журнале":

"Ледницкий дал нам статью о "Возмездии". Там были два стиха где "Новым временем" смердит, - где полновластен только жид" (второй стих цитирую не совсем, кажется, точно, но смысл и "жид" точно 3). Мы эти два стиха выкинули - из уважения к

Как редко теперь пишу по-русски. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru таланту и памяти Блока. Этот полоумный, полупьяный и полуобразованный человек был большим поэтом, но все-таки утверждать, что в Петербурге 1909 года евреи были полновластны, не следовало бы даже при очень большой потребности в рифме к слову "смердит". Как поступили бы Вы? Спрашиваю в связи с нашей полемикой об Александре Львовне".

1 Алданов имеет в виду свой рассказ "На "Розе Люксембург".

2 Капитан Лукин – автор очерков на военно-морские темы, печатавшихся в 30-е годы в парижской газете " Последние новости".

3 У Блока:

Ведь жизнь уже не жгла – чадила,

И однозвучны стали в ней

Слова: "свобода" и "еврей"...

Из письма Набокова от 20 мая 1942 г. В этом письме Набоков приводит предсказание Ханусена, что Гитлер должен умереть 23 мая 1942 г. Позднее в том же году Алданов в статье "Предсказание П. Н. Дурново" помянет, что громадное большинство предсказаний не сбывалось и что циничный Клемансо учил молодых журналистов: "Предсказывать нужно только то, что уже было".

Набоков пишет:

"...было бы очень жаль, если б журнал прекратился. Мне кажется, что если хоть одна строка в любом журнале хороша, то этим самым он не только оправдан, но и освящен. А в Вашем журнале много прекрасного. Вы спрашиваете, кого я бы выбрал из беллетристов. Тех же, что и Вы. Я только против беллетриствующих дам. В худшей бунинской вещи есть всегда строки, "исполненные прелести неизъяснимой", как выражались и пушкинскую пору; и месяц, которое Вы цитируете, как раз к ним и принадлежит. Это и есть его поэтический дар. Вы совершенно неправы, говоря, что "почти все классические произведения нашей литературы в композиционном отношении не очень хороши и не новы". А "Шинель"? А "Дама с собачкой"? А "Петербург"? Да, мэа кульпа*, смерть Эммы (кроме ненужного появления д-ра № 3, родителя самого автора, проливающего автобиографическую слезу) непревзойденно хороша. В общую "жизненную правду" я не верю; по-моему, у каждой жизни своя правда и у каждого писателя своя правда.

Нет, не боюсь за Вас, "жанр" Лукина останется его собственностью. Я оценил композиционный озноб Тамарина 1, пробирающийся через всю главу. И "грозно-апоплексическая шея" в бальном отрывке великолепна. У меня одна-единственная придирка: нельзя "кататься" верхом. Я раз допустил эту ошибку, и меня огрел знакомый лошадиник.

Я бы преспокойно напечатал смердящую рифму Блока, но зато указал бы пану Ледницкому, что "Возмездие" – поэма совершенно ничтожная ("мутные стихи", как выразилась как-то моя жена), фальшивая и безвкусная. Блок был тростник певучий но отнюдь не мыслящий. Бедный Ледницкий очень волновался, что не весь его понос выльется в этом номере, а придется додержать лучшую часть гороха и кипятка до следующего. "Там у меня нарастает главный пафоса" – крикнул он в отчаянии. Ужасно противная поэма, но "жида" я бы, конечно, не выпустил, это характерно для ментелити Блока. Я совершенно согласен с Вашей великолепной оценкой, но прибавил бы "полушаман" ("иль поразил твой мозг несчастный! грядущих войн ужасный вид:/ ночной летун, во мгле ненастной/ земле несущий динамит" Стихотворение Блока "Аэроплан" 2, кажется, 1911 г.)."

И еще раз пишет Набоков Алданову, отправляя ему стихи и жалуясь на низкий гонорар за "Русалку" от "Нового журнала", через три дня, 23 мая. Осенью он уходит из Уэльсли: "Впрочем, вероятно, к тому времени буду командовать эскадром".

1 Набоков путает, решив, что в письме Алданова от 13 мая речь шла об отрывке из романа "Начало конца" "Командировка Тамарина".

Как редко теперь пишу по-русски. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

2 Правильное название "Авиатор", в цитате ошибка: "Иль отравил твой мозг несчастный..."

* mea culpa - моя вина (лат.).

Алданов отвечает 31 мая:

"Рад был Вашим неожиданным словам о Блоке. Я ему еще благодарен: если бы предыдущий стих кончался не словом "смердит", а, например, словом тароватый", то он, при тонкости его ума, вероятно, сказал бы жид пархатый". Вы приводите, однако, его звучные стихи об аэроплане как "полупророческие". Право, ничего пророческого в них не было. Вы этого можете не помнить, но я отлично помню, как не только в 1911 году, а много раньше, после полета Блерио, все фельетонисты газет описывали будущие ночные налеты на города, динамитные и зажигательные бомбы и т. п. Точно так же и "Скифы" с их гениальными мыслями ("вы вспарывайте животы друг другу, а мы посмотрим") были переложением статей в изданиях большевиков и левых эсеров после Брест-Литовского мира. А кощунственные пошлости о Христе во главе красноармейцев я слышал от Луначарского задолго до "Двенадцати", да и Луначарский это заимствовал у кого-то из польских романтиков. Все это не мешает, к несчастью, Блоку быть большим поэтом. (Здесь Алдановым в машинопись письма вставлены от руки две неразборчивых фразы. - А. Ч.)

Что касается смерти Эммы Бовари, то я, помнится, говорил Вам, что и мне эта сцена кажется изумительной. Но в отношении Толстого все же это не тот, по-моему, класс: "полутяжеловес" и "тяжеловес", вульгарно выражаясь, имею в виду самоубийство Анны, сцену в Мытищах, охоту Ростовых и пр. Думаю, что Флобер сам это почувствовал, когда прочел "Войну и мир", - это видно из его письма. Так Буалев - не Флобер, но очень недурной писатель, - прочитав впервые Пруста, сказал: "Моя жизнь не удалась: вот как я хотел писать".

Окончив свои "Политические рассказы", я, вероятно, начну исторический роман 1, о котором подумываю давно. В этом нет противоречия с тем, что я Вам писал в прошлом письме: меня действительно интересуют лишь нынешние грандиозные события, но этот роман из недавнего прошлого (19 век) будет именно об этом: откуда это пошло. Впрочем, не знаю, решусь ли я на такое дело. Но статьи для хлеба мне надоели, от пьесы я отказался, в химики на военные заводы иностранцев пока не берут, а надо же что-нибудь делать".

1 Речь идет о романе "Истоки".

Получив утешительные сведения о судьбе И. В. Гессена, Алданов 16 декабря 1942 г. пишет Набокову: "Очевидно, вырвался последний!" (Гессен едет в Америку.) 25 января 1943 г. еще одна приятная новость, на этот раз у самого Алданова: его роман "Начало конца" в английском переводе удостоен выбора Клуба книги месяца: "Успех и неожиданный и, говорю искренне, едва ли заслуженный. Во всяком случае, Ваш "Себастьян Найт" имел больше литературных прав". Алданов получит немалые деньги, 5000 долларов, потом еще от продажи: "Если Вам будут нужны деньги, обратитесь ко мне". Он получил заказ на антологию "Сто лет русской художественной прозы". "Начать предполагается с Пушкина (с неизбежной, но прекрасной "Пиковой дамы"), а кончить Вами (если Вы на это согласитесь). Из ныне живущих русских писателей надо дать еще Бунина, Алексея Толстого и двух-трех советских "старших" (Шолохов? Зощенко?). Поскольку мое имя будет значиться на обложке и подпись под вводной статьей, я, разумеется, не допущу включения чего бы то ни было моего (...). Во вступительной статье мне очень бы хотелось сказать о Вашем огромном таланте то, что я о нем думаю и всегда говорил". В том же письме разгадка: почему имени Алданова, одного из основателей "Нового журнала", фактического его редактора, не было в журнале указано: "Я своего имени дать не вправе но отсутствию квотной визы, да и давно хочется (по секрету говорю) понемногу отойти от этого дела, очень мне надоевшего"

В письме от 30 января 1943 г. Набоков поздравляет Алданова с успехом "Начала конца". "Конечно, с радостью обращусь к вам, дорогой друг, коли будет нужно. Пока что у меня все складывается довольно благополучно. Если бы я мог выпекать

Как редко теперь пишу по-русски. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru по стихотворной пьеске в день или по рассказу раз в неделю, то снарядил бы энтомологическую экспедицию в Патагонию – так был бы богат. На самом же деле моя наука сильно тормозит мою литературу. И моя энгровская виолончель не дает музе говорить". Еще одно поздравление с успехом книги в письме Набокова от 7 апреля: "Ваша книга предвещена четверкой аврорных статей в "Бук оф дзи монтс". Желаю ей замечательнейший успех и очень, очень радуюсь за вас". 10 апреля Алданов отвечает: "читал в газете, что вы получили стипендию Гугенгейма. Это большой успех, – говорят, что ее не очень трудно продлить. Ставят ли они какие-либо условия?" Подобно тому как Набоков пишет постоянно о бабочках, Алданов, химик, автор книг и статей по химии, 10 мая делится с Набоковым мечтой: устроить лабораторию в своей квартире. Но ни лаборатории у Алданова, ни энтомологической экспедиции в Патагонию у Набокова. Алданов иронизирует: в связи с успехом "Начала конца" в газетах появились о нем фантастические сведения: будто он был "послом Керенского", будто его роман "Ключ", на деле появившийся в 1930 г., "был бестселлером в царской России". Он работает над "Истоками", но медленно, терзается мыслью: "совестно писать теперь исторический роман". 13 июня Набоков возвращается в письме к газетной шумихе в связи с награждением "Начала конца": многие в США не могли простить Алданову, что он в этом романе ставит на одну доску Сталина и Гитлера. "Шум, поднятый копытцами коммунистов, скорее приятен". Сам он собирается в энтомологическую экспедицию в Юту, сообщает, что кончил своего (очень "своего") "Гоголя" и шлет "Весну в фиальте". Из городка Огенквит под Бостоном – он там отдыхает – Алданов 29 июля благодарит Набокова за "Весну".

фрагмент из письма Набокова из Экта, штат Юта, от 6 августа 1943 г.:

"Мы живем в диких орлиных краях, страшно далеко, страшно высоко. Тут некогда были рудники, пять тысяч рудокопов, стрельба в кабаках и все то, что нам в детстве рассказывал неизвестный американцам капитан. Теперь безлюдие, скалистая глушь, "лыжная" гостиница на юру (8600 футов высоты), серая рябь осин промеж черни елей, медведи переходят дорогу, цветут мята, шафран, лупина, стойком стоят у своих норок пищуны (воде сусликов), и я с утра до ночи набираю для моего музея редчайших бабочек и мух. Я знаю, что вы не поклонник природы, но все-таки скажу вам о несравненном наслаждении взобраться чуть ли не по отвесной скале на высоту 12 000 ф. и там наблюдать "в соседстве" пушкинского "Бога" 1 жизнь какого-нибудь диковинного насекомого, застрявшего на этой вершине с ледниковых времен. Климат тут суровый, ледяные ветры, шумные ливни, а как только ударит солнце, налипают мучительные слепни – что им особенно приятно, когда ходишь, как я, в одних трусиках и теннисных туфлях; но ловля тут великолепная, и я редко так хорошо себя чувствовал. Город в двадцати пяти милях, и сообщение только автомобильное; газету читаю раз в неделю и то только заголовки. Хозяин гостиницы – мой издатель. "Гоголя" моего он скоро выпустит. Я там тискаю американских критиков приблизительно так, как теребил некогда Адамовича. Роман мой продвигается промеж чешуекрылых. Дорогой друг, как хочется с вами побеседовать "о буйных днях Парижа, о Шиллере – нет, только не о Шиллере (...). Зачем "Новый журнал" печатает дикого пошляка Гребенщикова и буколки совершенно безграмотной г-жи Кудрянской? А "Времена" – лучшее, что написал Осоргин – очень трогательно и хорошо. С вашей оценкой Милюкова я совершенно не согласен. Цементом его эрудиции и пьедесталом его трудоспособности была та великая бездарность, которая есть плоть и кость стольких солидных ученых и томасманистых писателей. Это одна из тех восковых фигур, которые очень "похожи". Не могу поверить, что вы с вашим вкусом и умом могли бы серьезно восхищаться "Историей русской культуры".

1 Имеется в виду стихотворение Пушкина "Монастырь на Казбеке".

В ноябрьской переписке Набокова и Алданова две темы. 23 ноября из Кембриджа, Массачусетс, Набоков признается: "...лег написать вам два слова – и вдруг удивился тому, как редко теперь пишу по-русски". Он спрашивает, нет ли у Алданова сведений о судьбе фондаминского. 27 ноября Алданов отвечает: "Я лично думаю, что его больше нет в живых". Он откликается на признание Набокова: "Это очень печально, что вы больше не пишете по-русски. Очень отражается и на "Новом журнале" – чрезвычайно. А вдруг?" Возвращается к своей работе над "Истоками": это "самый длинный (и, б. м., самый плохой) роман в русской литературе". В письмах Алданова от 26 января и 15 апреля 1944 г. то же заботливое стремление сохранить Набокова для русской литературы: благодарит за присылку "Парижской поэмы" в "Новый журнал", высоко отзывается о предметах интереса Набокова в литературе англоязычной: Гоголь, русские поэты...

Как редко теперь пишу по-русски. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

В письме Набокова от 8 мая 1944 г. резкие упреки в адрес авторов "Нового журнала" и характерный политический комментарий: "Выступление Вертинского в Москве и поездка туда католического служителя культа явления, достойные кисти Алданова. Союз Советов безболезненно превращается в Союз Русского народа. Ах, если бы Вы написали историю периода 1904 1944! Второй том "Истоков" ".

Впрочем, сделав "Истокам" похвалу, оговаривается: "Я немножко против симметрии между визитом одного героя к Бакунину, а другого героя к Достоевскому, но, может быть, это намеренно, и тогда эта кариатидность оправдана".

Алданов на следующий же день отзывается: "Сердечно благодарю за добрые слова обо мне. В дальнейшем "кариатидности" не будет. У меня еще появится немало знаменитых людей, но это будут иностранцы, и я к ним своих русских действующих лиц направлять не буду. Буду просто их показывать без связи с фабулой романа: они мне нужны как "истоки", вот и будет показано, как, напр., Маркс или Гладстон узнают о том же Берлинском конгрессе, и пусть лучше меня ругают за "отсутствие плана", чем за искусственные приемы. Боюсь, однако, что этот роман страниц в 1500 и никогда не будет кончен".

Письмо Алданова от 15 сентября 1944 г. – развернутая рецензия на только что вышедшую книгу Набокова "Николай Гоголь".

"Я прочел ее не "в один присест", но действительно в два. Это очень блестящая и остроумная книга, одна из Ваших самых блестящих. Солгал бы Вам, если бы сказал, что с ней согласен. У меня есть возражения к каждой странице. Очень ли Вы будете меня презирать, если я скажу, что, по моему глубокому убеждению, Гоголь, при своей самой подлинной гениальности, был много проще, чем Вы его изображаете, – проще от первой страницы с разговором двух "русских" мужиков (помните полемику о "русских"?) и молодого человека в белых канифасовых панталонах до последней с благородным мерзавцем-князем и его неподражаемым "разумеется, пострадает и множество невинных"? Проще и зависеет от иностранных влияний. Говоря о художественных приемах Гоголя, Вы, конечно, часто говорите о Сирине – и это высшая похвала. Знаю, что Вы совершенно равнодушны к чужому мнению и к моему в частности, но все-таки хотел бы Вам сказать, что я от Вашей книги в восторге. Со многим и согласен. Попадались ли Вам мои заметки о Гоголе, кое в чем совпадающие с Вашими (напр. о забавных суждениях о "реализме" и "гражданской скорби" Гоголя, о чудовищности основной моральной идеи "Мертвых душ" – "виноват был, что торговал мертвыми душами, а надо было торговать живыми")? (...) Но, ради Бога, сообщите, кто американский писатель и кто критик? А "голливудских" имен у Толстого я, разумеется, никогда, до последнего дня, Вам не прощу. Что до "Фауста", то, если он воплощение пошлости, то что сказать, например, о "Демоне" Лермонтова или о "Все утопить" 1? И уж будто в немецкой философии все вздор и ложная слава. И Шопенгауэр?

Зато я чрезвычайно рад, что Вы не усмотрели беспредельных глубин в "Переписке с друзьями" и ее не "паскализировали", как полагалось в последние сорок лет паскализировать этот вздор. Рад по той же линии, что назвали письмо Белинского благородным документом.

Думаю, что отзывы о книге в американской печати будут лестные. Но, правда, Вы американцам не облегчили задачи – хоть бы что-либо разъяснили (говорю как Ваш издатель). В русской же литературе эта Ваша книга не умрет – когда будет туда допущена (я хочу сказать, в Россию)".

Несколько многозначительных строк в конце письма посвящены текущим военным сводкам:

"С трепетом жду первой телеграммы из Франции от своих. Пока ничего о них не знаю. Давно в жизни у меня не было такой радости, как теперь чтение газет и сообщений о Германии. Скоро, скоро конец".

1 А. С. Пушкин. "Сцена из "Фауста"".

В письмах Алданова от 16 ноября 1945 г. и Набокова от 8 декабря речь идет о делах: как получать гонорары за старые довоенные книги, продаваемые в Европе

Как редко теперь пишу по-русски. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru (издательства лопнули, кто должен платить?), имеет ли смысл хлопотать о возвращении своей библиотеки, брошенной в Париже в начале войны? Несколько строк в письме Набокова, кажется, написаны кровью. Он узнал из Праги, что его брат Сергей погиб в немецком концлагере под Гамбургом. "Говорят, живя в Берлине в 1943 году, он слишком откровенно выражался и был обвинен в англосаксонских пристрастиях. Мне совершенно не приходило в голову, что он мог быть арестован (я полагал, что он спокойно живет в Париже или Австрии), но накануне получения известия о его гибели я в ужасном сне видел его лежащим на нарах и хватающим воздух в смертных содроганиях..." Чуть ниже в письме выразительнейшие слова о парижской эмиграции: "мучительно думать о гибели стольких людей, которых я знал, которых встречал на литературных собраниях (теперь поражающих - задним числом - какой-то небесной чистотой). Эмиграция в Париже похожа на приземистые и кривобокие остатки сливочной пасхи, которым в понедельник придается (без особого успеха) пирамидальная форма". Алданов 16 декабря отвечает: "Я эту пасху в ее воскресном виде любил..."

Следующее дошедшее до нас письмо из этой переписки датировано 20 июня 1948 г. Алданов пишет: "Полтора года мы не обменивались с Вами письмами. Знаю, что Вы терпеть не можете писать письма, поэтому Вам из Франции не писал (...). Знаю, что Вы получили кафедру в Корнелле, искренно поздравляю..." 23 июля Набоков отвечает, сообщает о делах, в выразительной лепки словах жалуется, что стал полнеть: "стал похож на помесь между Апухтиным и Макартуром..."

Письмо Алданова от 13 августа 1948 г.

Дорогой Владимир Владимирович.

Очень рад был Вашему письму, добрым вестям о Вас. То, что Вы так много (даже при Вашем росте) теперь весите, по-моему, исключает возможность какого-либо легочного процесса или процесса в дыхательных путях. А без какой-либо легкой болезни после сорока лет человеку уже, по-видимому, обходиться не суждено,

Был у меня М. Шефтель, рассказывал о Вас - все были приятные сообщения. Я не все читал из того, что Вы печатали в последние два года. Те рассказы, которые я читал, один лучше другого.

Мы с Т. М. во вторник уезжаем в Ниццу (16). Уезжаем на год - если ничего в мире не случится. Если же случится (проще говоря, война), то выбраться назад едва ли будет возможно, хотя мы все для этого сделаем. Тогда поминайте добром. Почему едем? Есть семейные обстоятельства престарелая мать Т. М. Есть и более простая причина. Вы говорите о моих "успехах". Со всеми этими "успехами" моего заработка в Америке не хватает. Пришлось бы искать места, но в мои годы мне ни кафедры, ни другой работы, вероятно, не дадут - да и я не очень умею преподавать, да еще по-английски. Во Франции же жизнь втрое дешевле; чем здесь, и там моих американских и других литературных заработков вполне хватает - могу даже помогать. Причина уважительная. Продал Скрибнеру две книги, в том числе том рассказов. Некоторые из них по-русски не напечатаны, так как не все годится для "Н. Р. Слова" - того, что не годится, я им и не посылал. Вы, наверное, знаете, что ушел из "Нового журнала". Ушел из-за какого-то оглушительного по комическому бессмыслию письма М. Цетлиной к Бунину. Достаточно Вам сказать, что в этом письме она в слезливо-величественной форме писала, что желает своим уходом от Бунина" (то есть разрывом отношений) смягчить удар, нанесенный Буниным русскому делу!!! Удар заключался в том, что он вышел из парижского Союза писателей: из этого союза (в который я не входил) исключили писателей, взявших советские паспорта, - и он этому сочувствовал, - но не исключили одновременно б. друзей немцев, в том числе и сотрудников гитлеровского "Парижского вестника" - односторонняя терпимость или нетерпимость для него, как и для меня, неприемлемы. Впрочем, Вы все это, верно, знаете, да и скучно об этом писать. Вы спросите, при чем же тут "Новый журнал". Хотя Карпович по существу относится к письму Цетлиной так же, как я и как, кажется, почти все, Бунин не пожелал остаться с ней в одном деле. В нормальное время было бы несколько естественней, ввиду конфликта, уйти Цетлиной, а не Бунину. Однако она делает по журналу всю черную техническую работу, заменить ее некем, так как платить технической секретарше журнал, по своей бедности, не может. Поэтому ни Бунин, ни я не предлагали Михаилу Михайловичу выбрать между ней и нами. Мы просто ушли, и я убедил Ивана Алексеевича не сообщать об этом в "Н. Р. Слово", чтобы не вредить журналу. Мы с ним были (в Грассе) его инициаторами (он в 1940 году тоже собирался переехать в Америку), я был с покойным Цетлиным его основателем и редактором и отдал этому

Как редко теперь пишу по-русски. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru делу несколько лет жизни (не говоря о деньгах). Со всем тем я по разным причинам не огорчаюсь. Желая журналу добра совершенно искренне.

Вы мне два года тому назад писали, что парижская эмиграция напоминает Вам сливочную пасху, которой в понедельник пытаются ножом придать прежний воскресный горделивый вид. Как Вы были правы! Я много раз вспоминал эти Ваши слова. Многое мог бы Вам об этом написать, да не хочется. Не раз и цитировал эти Ваши слова в разговорах и письмах.

Кстати, по поводу (или не совсем по поводу) этого. Недавно был я здесь у одного старого русского доктора. Он мне сказал, что из моих книг ему больше всего нравится "Камера обскура". Я тут Вас не назвал: приятно кивал головой - да, эта вещь очень мне удалась.

Если Вас интересует Бунин (я ведь знаю, что в душе у Вас есть и любовь к нему), то огорчу Вас: его здоровье очень, очень плохо. А денег не осталось от премии ничего. Я здесь для него собирал деньги, собрал без малого 600 долларов. Давали все, от правого Сергеевского до Джуиш лэбор коммити - они Бунина, очевидно, большевиком не считают. Добавлю, что в своей ближайшей семье Цетлина могла бы без труда найти не таких, как Иван Алексеевич, а настоящих феллоу трэвеллеров* - но с ними она отношений не рвет, о нет. В конце концов мне-то все равно и меня ничем не удивишь. Но старика эта история, к некоторому моему удивлению, взволновала. Бунин с Цетлиной знаком лет сорок. Читаете ли Вы "Н. Р. Слово" и следите ли за вариантом понедельничной сливочной пасхи, сказавшимся в так называемой истории с "власовцами"? 1

Очень ли будет нескромно, если я Вас спрошу, что Вы теперь пишете? Я философскую книгу, помнится, писал Вам о ней (пишу прямо по-французски), и еще рассказы. К сожалению, они все длинные: по 10 - 14 тысяч слов каждый, и для американских изданий не годятся. А то мои дела были бы лучше. В Англии "Истоки" выбраны в качестве "книги месяца" Бук сосайети**, но после двух налогов мне останется очень мало, да и этого из Англии не выцарапаешь. Ниццей я доволен, хотя этот странный город состоит из "новых богачей" и коммунистов. Я почти никого там не знаю, "Айнзамкайтур"* ** порою старым людям полезен. Через год, если будем живы, вернусь - опять чтобы получить "риэнтри пермит"****!

Впрочем, кто знает, что будет во Франции через год.

Знаю, что Вы очень не любите переписки. Все же очень прошу: иногда пишете. Не забывайте - увидимся ли мы еще в этой жизни или нет.

1 Алданов писал 23 мая 1948 г. А. С. Альперину по поводу проекта создания в Нью-Йорке Комитета (или Союза) борьбы за народную свободу: "Для меня решающий вопрос в том, будут ли в состав Союза привлечены люди, о которых известно, что они в самом деле участвовали во власовском движении или хотя бы сочувствовали ему. Если да, то я ни в коем случае в образующийся (но еще не образованный) Союз не войду (...) Важно не только то, что мы хотим делать, но и то, с кем мы готовы это делать".

* om fellow traveller - попутчик (англ.).

** book society - книжное общество (англ.).

*** Einzaamkeitur - лечение одиночеством (нем.).

**** Reentry permit - Право на возвращение (англ.).

28 января 1951 г.

Дорогой Владимир Владимирович.

Мне давно - отчасти и по опыту - известно, что Вы очень не любите писать письма. Поэтому (верьте, именно поэтому) я Вам не писал из Франции, где мы с Татьяной Марковной прожили мирно два с половиной года. На днях оттуда вернулись, а надолго ли, это зависит от общего положения в мире и от моих денежных дел (не знаю, будет ли Скрибнер и дальше приобретать с авансами мои книги: последняя у

Как редко теперь пишу по-русски. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru него продавалась гораздо хуже всех моих других; он это объясняет тем, что рядовой американец теперь книг русских авторов не покупает, независимо от их взглядов. Если это так, то дело плохо, и придется искать какой-либо службы или research*).

Попал я с корабля на бал и не на очень веселый бал. Дело идет о сборе денег в пользу Бунина. Вы, верно, знаете, что у него от Нобелевской премии 1933 года давно не осталось ни гроша. Живет он главным образом тем, что для него собирают его друзья. Так вот, опытными людьми признано здесь необходимым: для успеха производимого частным образом сбора необходимо устроить в Нью-Йорке вечер. Вейнбаум 1 будет председательствовать, будет прочтен рассказ самого Ивана Алексеевича, будет доклад о нем, будет и мое небольшое слово. Я, однако, сделал оговорку. Я приехал сюда с острейшим конъюнктивитом, и сейчас мой глаз в таком состоянии, что я выступить теперь просто не мог бы. Если эта болезнь, тянущаяся у меня уже два месяца (испробованы и пенициллин и ауреомицин), к тому времени не пройдет, то я свое слово напишу и его кто-либо на вечере прочтет. Но главное, по общему (и моему) мнению, это ВАШЕ выступление (хотя бы десятиминутное). Вас умоляют приехать для этого в Нью-Йорк. Устраивает вечер лит. фонд, образовавший особую комиссию. Он должен состояться во второй половине февраля – о дне фонд мог бы с Вами сговориться. Если только есть какая-либо возможность, прошу Вас не отказываться. Бунину – 81 год, он очень тяжело болен, и едва ли Вы его когда-либо еще увидите. Вам же будет приятно сознание, что Вы ему эту большую услугу оказали.

Буду ждать Вашего ответа. Был бы чрезвычайно рад, если бы при этом случае Вы написали и о себе. Что пишете? Довольны ли работой? Не слишком ли много времени у Вас отнимает кафедра?

Мы оба шлем Вам, Вере Евсеевне и Вашему сыну самый сердечный привет, самые лучшие пожелания.

1 Главный редактор газеты "Новое русское слово".

* "Исследовательская работа (англ.).

2 февраля 1951 г.

Дорогой Марк Александрович.

Как-то теплее на душе, когда знаешь, что Вы в Америке. Хорошо бы, если бы Вы могли и физически влиять на погоду. Тут у нас деревья стоят в отвратительных алмазах от замерзших дождевых капель.

Дорогой друг, Вы меня ставите в очень затруднительное положение. Как Вы знаете, я не большой поклонник И. А. Очень ценю его стихи – но проза... или воспоминания в аллее... Откровенно Вам скажу, что его заметки о Блоке показались мне оскорбительной пошлятиной. Он вставил "ре" в свое имя. Вы мне говорите, что ему 80 лет, что он болен и беден. Вы гораздо добрее и снисходительнее меня – но войдите и в мое положение: как это мне говорить перед кучкой более или менее общих знакомых юбилейное, то есть сплошь золотое, слово о человеке, который по всему складу своему мне чужд, и о прозаике, которого ставлю ниже Тургенева?

Скажу еще, что в книге моей, выходящей 14 февраля 1 (в главе из нее, только что опубликованной в "Партизане"), я выразил мое откровенное мнение о его творчестве и т. д.

Если, однако, Вы считаете, что несколько технических слов о его прелестных стихах достаточно юбилееобразны, то теоретически я был бы готов м'эгзекюте*; фактически же... Зимой, в буран, по горам, 250 миль проехать на автомобиле да 250 назад, чтобы успеть на очередную лекцию в университете, трудновато, а железнодорожный билет стоит 25 долларов, которых у меня нет. Вместо того, чтобы спокойно заниматься своим делом, я принужден вот уже десятый год отваливать глыбы времени и здоровья университетам, которые платят мне меньше, чем получает околоточный или бренд-майор. Если же фонд решил бы финансировать мой приезд, то все равно не приеду, потому что эти деньги гораздо лучше переслать Бунину.

Как редко теперь пишу по-русски. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Когда Вам будет 80 лет, я из Африки приеду Вас чествовать.

Очень был рад Вашему письму, но грустно было узнать о Вашей глазной болезни.
Думаю, что весной буду в Нью-Йорке, и очень будет радостно Вас повидать.

Мы оба шлем вам обоим привет.

Дружески Ваш

В. Набоков-Сириин.

1 Речь идет о книге воспоминаний "Убедительное доказательство" на английском языке, первом варианте книги "Другие берега".

* m'execute - подчиниться (франц.).

11 февраля 1951 г.

Дорогой Владимир Владимирович.

Ну что ж, очень жаль, что Вы не можете приехать. Я передал комиссии содержание заключительной части Вашего письма. Все были очень огорчены. Разумеется, комиссия оплатила бы Ваши расходы по поездке, но я сообщил и то, что Вы и в этом случае выступить не могли бы.

Сердечно Вас благодарю за добрые слова обо мне. Я чрезвычайно их ценю. Спасибо.

Насколько мне известно, Бунин признает большой талант Блока. Помнится, он писал только о "Двенадцати" и "Скифах". Разве Вам так нравятся именно эти произведения? Тогда мне трудно было бы в Вами согласиться. Но не стоит об этом спорить. Или поговорим, когда Вы приедете.

Мы оба будем сердечно рады повидать Вас здесь. Еще до того, конечно, прочту Вашу новую книгу. Я в Ницце читал некоторые отрывки из нее в "Нью-Йоркер". Они превосходны. Как жаль, что университет отнимает у Вас столько времени! Все же надеюсь, что Вы готовите роман. Правда? Было бы в высшей степени печально для литературы, если б это оказалось неверным.

Шлем Вам, Вере Евсеевне и Вашему сыну наш сердечный привет. До скорого свиданья.

18 июля 1951 г. Алданов перед возвращением во Францию отправляет Набокову письмо, прощается. Сообщает, что в Нью-Йорке создается русское книжное издательство 1 и главой его будет известный в США знаток русской литературы Н. Р. Вреден. Советует Набокову спешно обратиться к Вредену: "Я с ним, разумеется, говорил о Вашем "Даре"". Роман Набокова "Дар" до того времени ни разу не был опубликован отдельной книгой, а в журнале "Современные записки" перед второй мировой войной печатался без главы о Чернышевском.

1 Это издательство получило название "Издательство имени Чехова".

Ответное письмо Набокова из Вест-Йеллоустона, штат Монтана, датировано 15 августа того же года:

Дорогой Марк Александрович,

благодарю вас за дружеское сообщение: я написал Вредену и пошлю ему манускрипт, когда вернусь в Итаку.

Жена и я находимся сейчас в Монтане, на западе от Елостонского парка (ели стонут!), а сын в ста милях от нас в Тетонах (так французский путешественник назвал тень изумительно острых гор) в Wyoming'e, где занимается альпинизмом. Все мое время уходит на бабочек: мы провели незабываемый месяц на огромной высоте в юго-западном Колорадо, где ловили бабочку, которую я сам когда-то описал, а самочки не знал, - а теперь у меня этих еще никем не виданных самочек двадцать штук. Ноги у меня еще футбольные, но груди прыгают, когда бегаю.

Как редко теперь пишу по-русски. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru После этого письма переписка надолго прервалась, и следующее дошедшее до нас письмо датировано 16 октября 1954 года. Набоков на бланке Корнелльского университета (Отдел русской литературы. Владимир Набоков) сообщает о впечатлении, которое произвела на него книга Алданова "Ульмская ночь":

Дорогой Марк Александрович,

пишу вам два слова между лекциями - только чтобы сказать вам, что во время случайного досуга (в поезде между Итакой и New York'ом) я прочитал вашу "Ульмскую ночь". Я был взволнован этой вашей самой поэтической книгой - ее остроумие, изящество и глубина составляют какую-то чудную звездную смесь - именно "ульмскую ночь".

Будьте здоровы.

Ваш В. Набоков.

Эта книга Алданова, утверждавшая, что в истории закономерностей нет, что она сплошная цепь случайностей, привлекла пристальное внимание эмигрантских писателей и общественных деятелей. В нью-йоркской газете "Новое русское слово" была напечатана в высшей степени положительная рецензия Георгия Адамовича. В письме к Алданову от 17 марта 1954 г. он назвал "Ульмскую ночь" одной из самых замечательных его книг, даже в художественном смысле. Е. Д. Кускова спорила с концепцией книги: "Совершенно убеждена, что если б убили Ленина, Октябрь был бы ускорен. Это - аксиома при разборе последовательности русских истор. событий. Конечно, верного "аршина" для измерения предвидения верных или неверных действий нет. Но тем не менее политик и общественный деятель тем и отличается от простых смертных, что аршин у него есть, пусть приблизительный. Можно сказать так: есть безусловная закономерность и в истории" (письмо Алданову от 25 октября 1954 г.). Алданов отвечал ей через два дня: "Спорить, конечно, об этом трудно, но я остаюсь при своем мнении, что октябрь был "чертовой лотереей". Кстати, к моему изумлению (очень приятно) я вчера получил просто восторженное письмо об этой моей книге - от Вл. Набокова-Сирина! Он получил ее почти год тому назад, тотчас после ее выхода, теперь будто бы прочел и дает такую оценку. Разумеется, я очень рад".

Алданов считает нужным поблагодарить Набокова за отзыв. Из его письма Набокову от 26 октября 1954 г.

Дорогой Владимир Владимирович.

Только что я получил от Чеховского издательства Ваше письмо от 10-го, пересланное мне по простой, не воздушной почте.

Надо ли Вам говорить, как мне Ваше письмо было приятно. Доставило большую радость именно потому, что исходит от Вас. От души вас благодарю. Знаю, что Вы очень преувеличили достоинства моей книги.

Я в свое время поручил Чеховскому издательству послать Вам "Ульмскую ночь" - было бы странно отправлять ее в Ниццу с тем, чтобы она отсюда ушла в Америку. Таким образом книга была без надписи. Сделаю надпись при встрече, так как все же надеюсь вернуться в С. Штаты (хотя делать мне там нечего).

В последней книге "Нового журнала", еще мною не полученной, помещено начало моей повести "Бред". Она будет печататься в журнале лишь в отрывках, и уж по одному этому прошу Вас (если прочтете) не судить слишком строго. (...)

В отличие от "Ульмской ночи" "Бред" Алданова прошел почти незамеченным и в его переписке с Набоковым не обсуждался. Но в переписке двух писателей, относящейся к 1955 г., обсуждались другие их новые произведения, другие литературные темы.

7 марта 1955 г. Алданов пишет:

Дорогой Владимир Владимирович.

Я уже недели две тому назад получил Вашу книгу от Чеховского издательства - не сомневаюсь, что это Вы распорядились мне ее послать (как и я Вам в свое время "Ульмскую ночь"): Чеховское издательство никаких книг других авторов мне не

Как редко теперь пишу по-русски. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru посылает, да и свои собственные я давно покупаю, так как бесплатных они авторам дают, как, впрочем, все американские издательства, всего шесть экземпляров.

"Другие берега" мне очень хорошо известны по американскому изданию. Все же, разумеется, я тотчас приступил к чтению русского издания, которое "переводом" назвать нельзя. Читал медленно, с все увеличивающимся восторгом и даже изумлением. Такие чувства у меня теперь вызываете только Вы – из всех современных писателей что я мог бы к этим словам добавить? Да Вы и сами знаете цену этой книги, как и мое мнение о Вас.

Принято говорить. "Желаю большого успеха книге". Я это, конечно, и говорю. Но какой может быть в настоящее время у русской книги успех? Ценителей в эмиграции мала, а читателей лишь немногим больше. Будет ли она допущена в Россию в ближайшее десятилетие? Надежды мало. Да и возродится ли читатель и в самой России? Все-таки тридцать семь лет там отравляют все, в том числе и вкус.

Алданов шлет Набокову в английском переводе свой новый рассказ "Каид", просит совета, какому американскому еженедельнику его предложить. Его литературный агент, Хорч, скончался, и теперь писателю самому приходится заниматься литературной судьбой своих произведений.

30 марта Набоков, сообщая, каковы расценки на художественную прозу в различных американских журналах, все же в осторожной форме замечает, что "Каид" не произвел на него большого впечатления: "... мне сдается, что поскольку Ваш материал будет переводной, то, может быть, скорее всего им подошел бы блестящий алдановский очерк о какой-нибудь яркой фигуре на теперешней авансцене... Качество перевода среднее". Он посылает свой новый адрес: "живу же в разных мебелирах".

В письме от 6 апреля Алданов берет своего переводчика под защиту: это довольно известный американский дипломат (фамилию не называет) и в качестве дипломата не может печатать перевод под своей подписью, пусть в редакции думают, что рассказ написан по-английски. "Не знал, что Вы по сей день живете в мебелированной квартире (как и я во Франции, но здесь пустых квартир и нет). Отчего же Вы не обзаводитесь мебелью, "своим углом"? Ведь Вы обосновались в Америке навсегда".

На деле через пять лет Набоковы переедут на постоянное жительство в Швейцарию. В конце письма Алданов касается другой темы: в Париже осенью ожидается съезд эмигрантских писателей. "какая его задача и чем он будет заниматься – не знаю. Я получил уже четыре месяца тому назад телеграфное приглашение от Американского комитета, но не принял его. Едете ли туда Вы?"

18 апреля Набоков пишет:

Дорогой Марк Александрович.

Простите нескорый ответ – очень трудный у меня год.

Конечно, можно, не рассказывать журналам, что рассказ переведен с русского: мне это почему-то не пришло в голову – отупевшую и облысевшую голову".

Он приводит несколько примеров очевидных переводческих ляпов и продолжает:

"Мне бы страшно хотелось перевести это для Вас заново, если бы только было время. Но работаю все время под сильнейшим напором, так как полжизни уходит на университет. А на покупку дома или хотя бы обстановки не хватает и хватать не будет, пока сын учится. Он очень дорогой – во всех значеньях.

На эмигрантский съезд писателей меня не звали, да я не поехал бы, если бы пригласили. С кем "съезжаться"? С Нароковыми да Бушуевыми? Или с Адамовичем, Ивановым да ихним кумиром Буровым? Вас же надеюсь повидать в Америке или в Ниццей (...). Прилагаю рассказ".

Алданов 24 апреля отвечает:

"Очень тронут тем, что Вы так внимательно прочли мой рассказ и внесли ценные поправки. Сердечно Вас благодарю. Боюсь, что Ваш труд, как и мой, был напрасен: едва ли мой рассказ может быть помещен в американских периодических изданиях. В

Как редко теперь пишу по-русски. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru его основу, кстати сказать, было положено мною истинное происшествие: в свое время я прочел во французских газетах о самоубийстве в провинциальной французской гостинице, после получения телеграммы, какого-то экзотического преступника-эстета. Заметка была небольшая и внимания на себя не обратила. Печать к делу не возвращалась.

Разумеется, мне и в голову не могло прийти - просить Вас о переводе, помилуйте! Помимо всего прочего, я знаю, как Вы заняты.

От Вредена я по-прежнему никаких известий не имею.

Во Франции все уверены, что Чеховское издательство кончается. В. Н. Бунина года полтора вела с ними переговоры об издании книги покойного Ивана Алексеевича о Чехове. Они в конце концов эту книгу приняли - но вместо обычных 1500 долларов предложили только 750. По словам Веры Николаевны, наследникам Шмелева не так давно предложили 250! Это тоже приписывается тому, что денег у издательства осталось мало.

Как я и писал Вам, я отказался участвовать в парижском писательском Съезде".

31 июля 1955 г. "Каид", последний из рассказов Алданова, опубликованных при его жизни, появляется на страницах "Нового русского слова". В архиве Алданова, хранящемся в Российском фонде культуры, имеется черновая машинопись этого рассказа. В газете опубликован, по существу, новый текст, хотя фабула осталась неизменной. Возможно, писатель переработал свое произведение под впечатлением отзывов о нем Набокова.

Летом 1955 г. оба писателя болеют, Алданов переносит хирургическую операцию. Их переписка возобновляется письмом Набокова, датированным 31 августа:

Дорогой мой Марк Александрович,

с запозданием узнал, что вы были больны. Сам я лежал в госпитале с ужасающим lumbo - червь так чувствует лопату садовника. Напишите ко мне два слова, как вы?

Читал "Каид" в Н. Р. С. - это несравненно лучше английской убогой версии. В Париже в англ. изд. (Olympia) выходит мой роман "Lolita" развитая окрыленная форма моего старого рассказа "Волшебник".

Обнимаю вас!

Привет вам обоим от нас обоих.

Ваш В. Набоков.

Ответ Алданова датирован 10 сентября.

Дорогой Владимир Владимирович.

Сердечно вас благодарим за милое сочувственное письмо. Со дня моей операции (простаты) прошло уже более трех месяцев, она сошла хорошо, я пробыл двадцать пять дней в клинике, теперь поправился, все в порядке. Правда, врачи и приятели мне обещали, что я, как все люди после этой операции, "скоро помолодею на десять лет". Пока я не помолодел, напротив, еще чувствую большую усталость, но утешаюсь тем, что "скоро" - понятие неопределенное.

Надеюсь, что и Ваш "лумбаго" прошел совершенно? Насколько мне известно, эта болезнь связана с сильнейшими болями. У меня хоть болей никаких не было, ни до операции, ни во время операции, ни после операции.

Спасибо за слова о "Каиде". Разумеется, все почти переводы нехороши. Я был доволен только переводами покойного Вредена, да еще очень недурно перевела мои романы на французский язык в свое время Татьяна Марковна критика хвалила ее переводы. Теперь мне и переводить нечего. Мои "Повесть о смерти" и "Бред" не появились отдельным изданием даже по-русски и, верно, не появятся, так как Чеховское издательство кончилось, а других нет - по крайней мере для "левых": правые писатели могут издавать книги у Гукасова или в "Посеве", а я туда не

Как редко теперь пишу по-русски. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru пойду, даже если бы пригласили. Между тем, не имея русской книги, очень трудно находить издателей на иностранных языках не посылать же им рукописи. Большая часть моих иностранных переводов, кстати, производилась с американских изданий, а теперь, после кончины Вредена, который все мое устраивал в С. Штатах (американские издатели на него полагались и русского издания не требовали для своих профессиональных "ридеров"*), я не вижу и того, как их находить без русского издания и без хорошего агента. Как назло, "Живи как хочешь" продавалась по-английски хуже всех других моих книг. Просто не знаю, как быть!

А кто теперь Ваш американский издатель? Так Вы переделали "Волшебник" в роман и печатаете его во Франции?

Это письмо осталось без ответа. Лишь 18 января 1956 г. Набоков из Итаки отправляет письмо в Ниццу:

"Чувствую себя очень виноватым, что так долго Вам не писал. Моя переписка как-то разлезлась по швам. За этот год я кончил, или почти кончил, две мучительных книги, из которых одна – громадный том комментариев к моему "Евгению Онегину".

Про Чеховых Вы, наверно, уже знаете. Они весной кончаются. Я успел им продать сборник рассказов. А что из Вашего они еще издают? Очень рад был узнать про Ридерс Дайджест.

Через десять дней заканчиваю семестр и уезжаю в отпуск".

* От английского reader – читатель, чтец.

Письмо Алданова от 25 февраля.

Дорогой Владимир Владимирович.

Очень обрадовался Вашему письму от восемнадцатого января. Оно пришло с огромным опозданием, так как Вы послали его не по воздушной почте. Все же я мог бы ответить уже недели две тому назад – но Вы сообщили, что заканчиваете семестр и уезжаете в отпуск. Верно, теперь уже вернулись.

Сердечно поздравляю с тем, что работа у Вас идет так успешно: Вы сообщаете, что кончили две книги, из которых одна громадный том комментариев к "Евгению Онегину". А какая другая? Роман? Когда и где обе появятся?

Чеховское издательство больше моего ничего не приобретало. Спасибо, что издали "Повесть о смерти", "Бред" и "Ульмскую ночь". Больше всего книг они приобрели (правда, лишь по половинной цене, 750 долларов за том) у Черчилля, вдвое больше, чем у нас. А теперь ни единого русского издательства за границей не осталось, и больше книгами по-русски мои писания появляться не будут. Некоторые авторы печатают свои книги на собственные деньги, но я для этого слишком беден.

Очень меня удивили и озадачили Ваши слова: "очень рад был узнать про Ридерс Дайджест"! Эти слова как будто относились ко мне, но я никаких дел с Ридерс Дайджест не имел. Пожалуйста, не мучьте меня и поскорее сообщите, в чем дело. Не имею об этом ни малейшего понятия. Вы, наверное, ошиблись.

Здоровье у нас у обоих сносное, но не большие: скрипим. Оба шлем Вам и Вере Евсеевне самый сердечный привет и лучшие пожелания, включая в них и запоздалые новогодние. Пожалуйста, не забывайте.

Мой "Бред" на свой риск, т. е. не имея издателя, переводит на английский некий Carmitchael – говорят, хороший переводчик.

Письмо Набокова от 30 апреля 1956 г. напечатано на латинской машинке, и мы приводим в авторской транскрипции часть фразы: "Prostitute, chto tol'ko teper' vam pishu – i prostitute osobo, chto pishu takim neudobochitaemim sposobom".

В продолжении письма читаем:

"За три месяца, проведенных в Кембридже, я только и делал, что, работая в библиотеке и на дому, делал выписки, записывал и – писал. Не оставалось ни времени, ни сил на корреспонденцию, да и сейчас рука так устала, что приходится

Как редко теперь пишу по-русски. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru это письмо диктовать, а русской машинки нет с собой.

Простите еще, что я, кажется, ошибся насчет "Дайджеста": мне кто-то говорил, что там печатается Ваша вещь, и я поверил и обрадовался. Напутал, видимо, не я, а мой дурак-собеседник.

Чеховы закрываются. Надежды, что их продлят, не осталось, и, кажется, нет уж и надежды, что найдутся другие меценаты. Это очень грустно.

Надеюсь, что вы получили мою книжечку рассказов, которую я Вам послал отсюда.

Моя Евгение-Онегинская книга почти кончена. Остается только кое-что проверить и тому подобные пустяки. Послезавтра мы с женой уезжаем в Юту, сняли там домик. А сын собирается петь в летней опере и ждать призыва в армию.

Ужасно хотелось бы, чтобы вы прочли мою "Лолиту" – нежную и яркую книгу, которая вышла по-английски в Париже, выйдет по-французски у Галлимара, но на которую здешние издатели только облизываются, а издать не смеют" (...)

Из письма Алданова от 15 мая 1956 г.:

"Сердечно вас благодарю за письмо и за присылку книги рассказов. Прочел ее с наслаждением, почти все давно читал и, разумеется, все, что читал, помнил хорошо. Бесплезно говорить вам мое мнение: вы давно его знаете превосходно – это шедевр. Теперь читает Татьяна Марковна и тоже с восторгом.

Не знал, отвечать ли теперь на ваше письмо. Вы сообщили, что через два дня уезжаете и что сняли домик. Если так, то как будто надолго, на лето? С другой же стороны, разве теперь университетские каникулы? Думаю, что университет вам писем не пересылает? Возможно поэтому, что вы настоящее письмо получите очень, очень нескоро.

Я слышал о "Лолите" от англичан, да и вы мне писали, что выпускаете эту книгу по-английски в Париже. Я спросил в здешнем книжном магазине – ее тут нет. Куплю, когда приеду в Париж. Очень хочу прочесть. Знаю только два прецедента: Джойс и Франк Харрис (который, кстати, печатал свои книги по-английски даже не в Париже, а в Ницце, где жил и умер). Худу вспоминать ваше чтение у Фондаминского в 1939 году.

Вы мне говорили, что ваш сын хочет стать певцом. Так он уже дебютирует в опере? Желает ему большого успеха. Знаю, что вы музыки не любите. Верно, сын пошел в веру Евсеевну?

У нас ничего нового: ни делами, ни здоровьем, ни успехами похвастать не можем. После кончины Вредена я остался сразу без издателей, переводчика (хорошего) и агентов: прежде все делал он.

Рад, что скоро выйдет "Онегин", но не совсем понимаю, что это такое? Перевод?"

Характерно для Алданова, что он, проявляя большой интерес к текущим делам Набокова, даже не упоминает о своей главной тогдашней работе – о романе "Самоубийство".

И снова на латинской машинке, на которой русские фразы выглядят неудобочитаемо, 7 сентября 1956 г. Набоков пишет последнее свое письмо Алданову. И снова для удобства читателей мы публикуем его в русском шрифте.

Дорогой Марк Александрович,

простите, что опять пишу вам этим громоздким способом: целые дни сочиняю, рука устает, стараюсь все, что можно, диктовать.

Простите также, что отвечаю с таким опозданием на ваше дружеское письмо, – все из-за того же перенасыщения работой, писательской и энтомологической летом, а зимой еще с прибавлением академической.

Очень был тронут вашими милыми словами о "Весне в фиальте".

Как редко теперь пишу по-русски. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru В прошлом феврале я взял полагавшийся мне отпуск. Полгода работал в Виденер, в Кембридже, потом мы с женой поехали в южную Юту на два месяца, а сын поступил в летний оперный театр на Мейнском курорте. В Юте (райские края!) кончил начатый сыном перевод лермонтовского "Героя". А вернувшись в Итаку, в августе, я, также при участии сына, этот перевод окончательно отделал. Он должен скоро выйти у Даблдея.

Теперь сын возвращается в Кембридж продолжать учиться петь и ждать призыва в армию, а я вернусь к Пушкину, с которым надеюсь покончить к Рождеству.

Не собираетесь ли Вы на зиму в Штаты? Не увидимся ли в Нью-Йорке? Нашли ли Вы за это время агента? Я про агентов ничего не знаю, но если Вы остаетесь в Европе, то Вам, может быть, следовало бы таковым обзавестись. Если хотите, я узнаю у моего издателя, какое агентство сейчас на хорошем счету.

Шлем самый сердечный привет Татьяне Марковне и Вам.

Мой адрес все тот же: Голдвин Смит холл, Корнелль, Итака, № 4.

Читали ли дельную, но грубоватую книгу Глеба Струве? 1

1 "Русская литература в изгнании".

25 сентября 1956 г. Алданов пишет последнее письмо Набокову:

Дорогой Владимир Владимирович.

Очень рад был Вашему письму: действительно давно не имел от Вас известий. Не знал, что Вам полагался полугодовой отпуск. Вижу, что использовали его как следует. Надеюсь, что и отдохнули.

Значит, Вашему сыну удалось найти издателя для перевода "Героя нашего времени"! Это большой успех: вероятно, роман переводился и в далекие времена? Поздравляю его и желаю успеха у критики и публики.

Прочел Вашу "Лолиту". Тот же Ваш огромный, удивительный талант. В давнем письме ко мне Вы, помнится, назвали эту книгу "нежной". С этим мне согласиться было бы трудно - если Вы сказали это серьезно. Слышал о письме Грэма Грина, порадовался, но для тиража оно, верно, не имело значения, если книга в Англии и С. Штатах не продается. Когда выйдет по-французски? Кто Ваш издатель для "Онегина"? Мой "Бред" приобрело американское издательство "Sloan". Я обошелся без агента. Выйдет поздней весной 1957 г. Надеюсь, что за американским изданием последует французское. За исключением трех моих книг, вышедших по-французски в переводе Татьяны Марковны, французские издатели неизменно заказывали перевод своим переводчикам (хотя критика очень хвалила перевод Т. М-ны) - это бы ничего, но эти переводчики русского языка не знали и переводили с английского.

Я выше сказал об "Онегине", но Вы пишете "Я вернулся к Пушкину". Значит ли это, что дело идет не только об "Онегине"?

Имел ли Ваш сын успех как певец? Какой у него голос? Баритон?

Здоровье "так себе". А Ваше и Веры Евсеевны? Шлем Вам обоим самый сердечный, дружеский привет. Очень кланяюсь сыну.

Ваш М. Алданов.

Как часто у меня бывает при воздушной бумаге, этот листок порвался в машинке. Пожалуйста, извините.

От руки приписано: Книги Г. Струве я не видел.

25 февраля 1957 года Алданов скоропостижно умер.

Публикация, подготовка текста

Как редко теперь пишу по-русски. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
и примечания Андрея ЧЕРНЫШЕВА

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!